

В А Д И М
Н Е С Т Е Р О В

МОСКОВИТЫ

КНИГА I

12+

Вадим Нестеров
Московиты. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нестеров В.

Московиты. Книга первая / В. Нестеров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Одна давняя и позабытая история о несчастном Слепце и трех братьях — Косом, Силаче и Красавчике. Школьные учебники сухо именуют ее "феодальной войной второй четверти XV века в Московском княжестве" и отводят ей максимум пару абзацев. На деле же этот эпизод российской истории ни в чем не уступит "Игре престолов". На обложке использован фрагмент картины Николая Васильевича Неврева "Опричники" 1888 г.

Содержание

Московиты. Книга первая	5
Глава первая, в которой автор не очень умело пытается обмануть читателя	8
Глава вторая, в которой говорливый автор наконец-то начинает повествование	12
Глава третья, в которой рассказывается о злодее, который им быть не хотел	15
Глава четвертая – об отцовской любви	18
Глава пятая, рассказывающая о молодости древней столицы	20
Глава шестая – как ковался клан	26
Глава седьмая, напоминающая о камешке, срывающем лавину	30
Глава восьмая. О чудесах, изменяющих историю	33
Глава девятая. О ближних наших	36
Глава десятая. О том, как стать одной из сильнейших держав Европы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вадим Нестеров

Московиты. Книга первая

Московиты. Книга первая

Глава нулевая, в которой появляется автор

День добрый, читатель.

Я, собственно, автор этой книги. Я знаю, знаю, что воспитанные авторы появляются в книжке только один раз – фамилией на обложке. Но вам не повезло – вам достался автор на редкость неделикатный, и очень словоохотливый, если не сказать болтливый.

Чтобы продемонстрировать бездну своего падения, я с места в карьер займусь совсем уж последним для уважающего себя сочинителя делом – начну рассказывать, зачем я вообще сел за эту книгу и почему решил, что она может быть вам небезынтересна.

Дело в том, что меня с давних пор очень удивляло одно обстоятельство. Период, который обычно именуется «Русь Московская» – от свержения ига и до Петра Первого – мои сограждане знают очень плохо. Московская Русь для рядового российского обывателя – это просто Атлантида какая-то. По каким-то странным причинам даже люди, увлекающиеся историей, предпочтение отдают либо России после Петра, либо наоборот – Киевская Русь и дальше, всякое там «славное язычество». Серединка мало кого интересует.

Маленький тест – ну вот что вы навскидку можете вспомнить из периода «постмонгольской», но «допетровской» России? Рискну предположить, что Грозного, Годунова, Минина-Пожарского и первых Романовых.

Что навскидку, не заезая в энциклопедии, вспомните про Ивана Третьего?

Так я и думал.

А ведь это он, а не Петр, и не Владимир Великий, и не Рюрик создал государство, ныне известное миру как Россия.

Известен ли Вам такой полководец, как Скопин-Шуйский? А ведь ему потомки должны быть благодарны ничуть не меньше, чем Суворову или Кутузову.

Московская Русь – это два с половиной века нашей истории. Примерно столько же, сколько от Петра Алексеевича до Владимира Владимировича. Со всем тамошним историческим содержанием, обсосанным во множестве романов, фильмов, книжек, сериалов, стихотворений, комиксов, телепередач и прочего культурного наследия, от пушкинской «Полтавы» до сегодняшних документальных фильмов. А по Московской Руси – практически ничего. Почему?

История неинтересная была? Куда там! Самый что ни на есть завлекательный период – драка на развалинах империи, создание страны, первые шаги, изумленное осознание себя независимым государством, мучительные раздумья над тем, кто же мы все-таки такие и что мы здесь такое сотворили.

Именно тогда мы зубами выгрызали себе право на существование, рвали соседей и едва не подошли сами. Вставали за близких и знакомились с дальними. Открывали для себя мир и открывались миру, делали глупости и подлости, совершали немыслимые подвиги и в конечном итоге создали страну, которая с тех пор мало поменялась.

Именно так – заметьте, что все свои уникальные «черты лица» Россия приобрела до XVIII века. Именно тогда мы стали самой большой страной мира, все дальнейшие территориальные приобретения ничтожны по сравнению со сделанными в московский период. В эти годы

мы расширились от «чуть больше Московской области» до практически сегодняшних границ. Маленький пример – не для кого не секрет, что сегодня мы большей частью живем за счет российских нефти и газа. Другими словами – проживаем наследство, оставленное нам предками-«московитами». Теми самыми людьми, совершившими беспрецедентный бросок «встречь Солнцу», которые за период жизни одного человека прошли континент насквозь, от Уральских гор до крутого берега Тихого океана.

Именно тогда мы приобрели свое кем-то проклинаемое, кем-то обожещаемое мессианское самосознание; решили, что сотворены для чего-то очень большого и важного. Именно тогда сложилась система взаимоотношений власти и народа, чтобы больше уже не изменяться, и события последних лет это просто еще раз демонстрируют. Хотя вру, как минимум одна из самых характерных «своеобразностей» России появилась позже – знаменитая «русская интеллигенция». Но и она законное дитя «московского» периода, прямое его порождение.

Но право слово, интересно – почему не помним? Навскидку видятся три причины.

Первая – у нас слишком долгая история. Пообщавшись в свое время с китайцами, я был изрядно шокирован, узнав, что историю юные китайчата ненавидят лютой ненавистью, титул самого нелюбимого школьного предмета она не уступит никому и никогда.

Причина – самая тривиальная. Даже понятия не имея о китайской истории, несложно догадаться, сколько славных деяний их предки успели наворотить за четыре тысячелетия существования государства китайского. А количество отведенных в школе часов не резиновое, вот и превращается история в лихорадочное запоминание дат и событий. Все подробности обрезаются до скелета и прессуются в кучу по максимуму. Кому это может быть интересно? Слава богу, если династии запомнят.

Мы по сравнению с китайцами сопляки, у нас всего тысяча лет с небольшим. Но, как выясняется, и этого больше чем достаточно. Подобный объем просто невозможно уложить в голову, даже предметно изучая историю. Открою страшную тайну – я, несмотря на запись в своем дипломе, практически не знаю домонгольскую историю, и неважно ориентируюсь в «постпетровской». А я-то, в отличие от многих россиян, пять лет своей жизни только тем и занимался, что учил историю.

Выход единственный: хорошо известна только «живая» история, то есть та, от которой идет максимальное количество ниточек к реальной, проживаемой сейчас жизни. «Мама, а дедушка на войне погиб? – Да. – Мама, а расскажи про войну...». Как правило, это последние сто, ну сто пятьдесят лет, никак не дольше. А дальше? А дальше начинается обычный шоу-бизнес с его системой «звезд».

Как правило, берется несколько имен и событий и РАСКРУЧИВАЕТСЯ. В итоге появляется горстка исторических «суперстар», подпирающий ее «второй эшелон» и никому не известная массовка. А вот кто кем станет... Это, как и в шоу-бизнесе, зависит исключительно от продюсера.

Вы будете смеяться, но я прекрасно помню, как мои соотечественники открывали для себя фактически неизвестного тогда канцлера Горчакова – в 80-е годы теперь уже прошлого века. Почему? Потому что у Александра Михайловича появился мощный продюсер – Валентин Пикуль. С «Битвой железных канцлеров» ознакомился, думается, весь читающий люд страны.

А вот с продюсером кому как повезет. Легла фишка удачно – тебя знают все, не повезло – довольствуйся горсткой «архивных крыс», занимающихся твоим периодом. Два примера из нашего периода.

Подойдите к человеку на улице и спросите, знает ли он Ивана Сусанина?

Понимаю. Уже иду.

А воеводу Михаила Шеина?

А ведь подвиг, совершенный Сусаниным (примем пока каноническую версию) и подвиг Шеина просто несопоставимы. По всем параметрам. Но вот не досталось Михаилу Борисовичу ни Глинки, ни Пушкина, ни даже Глазунова...

То же самое и с событиями. Что вы имеете сказать за Куликовскую битву? А за стояние на Угре?

Я правильно догадался?

А ведь события как минимум сравнимые по значению. Как минимум.

Вы уже наверняка поняли, к чему я веду. Героям Московской Руси очень не повезло на «продюссеров». Кто еще, кроме перечисленных, у нас ходит в «суперстар»? Годунов и Лжедмитрий – поклон Александру Пушкину, Иван Грозный – поклон Сергею Эйзенштейну, Минин и Пожарский – поклон Ивану Мартосу (это автор памятника на Красной площади, если замятовали). Все?

Пожалуй, все. Есть еще второй эшелон, но тоже немного. Ну мало обращались таланты к этому времени, до постыдного мало. Но это, если подумать, тоже не просто так...

И здесь мы плавно перетекаем к третьей причине – идеологической. Было в нашей истории такое знаменательное явление, как «петровские реформы». Именно после них и появился очередной «заклятый русский вопрос» – «О старой и новой России». Дело в том, что петровские реформы действительно были настоящей революцией для России, в том числе и идеологической. И идеология их была прежде всего «антимосковской», Петр истово ненавидел Московскую Русь (и, надо сказать, имел к этому основания). Вот и пытался, как и большевики после 1917 года, начать историю с чистого листа, заново. Впрочем, разговор на эту тему мы, с вашего позволения, отложим – он долгий и сложный, а мы и так заболтались.

Тем более, что до рождения младшего сына царя Алексея Михайловича по имени Петр еще очень и очень далеко. Начинать имеет смысл, как всем известно, с начала. А именно – как же так случилось, что на карте мира появилась страна, в которой мы с вами проживаем. Может, вам это покажется странным, но ее вполне могло и не быть. Скорее даже – не должно было быть...

И последнее предупреждение. Кому-то мои заметки могут показаться общеизвестными, и это чистая правда, никаких исторических сенсаций я не обещаю. Иго было, Иван Третий и Иван Четвертый – это два разных человека, а казаки появились вовсе не во времена Древнего Шумера.

Кто-то сочтет мои заметки спорными, и это тоже так и есть – от тех времен нам осталось не так много источников, поэтому повод поспорить можно найти всегда. Что, собственно, все и делают.

Кто-то назовет их имперско-шовинистическими, либо, наоборот, оскорбительными для памяти предков. Но в этом вопросе я упрям – в истории врать нельзя. Никогда и даже в мелочах. Очень уж это чревато. Как только история становится служанкой политики, она прекращает быть историей и становится идеологией. В нашем прошлом нет вещей, о которых нельзя говорить, и вряд ли есть что-то отвратительнее кастрированной, но припудренной версии собственного прошлого. Потому что принцип «Единожды солгав...» придумали не вчера и не один раз проверили его истинность, а многие, особенно в бывших республиках Союза, проверяют и сейчас.

Все, заканчиваю с этим не в меру затянувшимся вступлением.

С богом.

Глава первая, в которой автор не очень умело пытается обмануть читателя

Хотите, расскажу одну фантастическую историю? Слушайте:

(из утерянной рукописи анонимного автора, датированной серединой 71 века)

«Заканчивалось седьмое тысячелетие. Цивилизации на Земле больше не было. Люди забыли знания предков и, постепенно дичая, занимались на развалинах прежних городов любимым делом людей разумных – пуская друг другу кровь, дрались за то, что еще оставалось: территорию, богатства, власть и самый главный капитал – других людей.

Человечество все более скотинилось и тупело. Люди уже не умели делать то, что для их предков было обыденностью – им не хватало для этого ни знаний, ни возможностей. Мир для его обитателей сузился почти до предела – люди, запуганные страхом, таившимся за пределами поселений, цеплялись за тот клочок земли, где им выпало увидеть свет. Они жили, не желая знать никого, кроме ближних соседей и наивно думали, что их осторожность и невмешательство кто-то оценит и не тронет таких безвредных существ. Этой иллюзии суждено было жить ровно до первого взгляда, брошенного предводителем проходившего мимо отряда на обитель робких.

Те же немногие, кто рискнул поднять глаза от земли, почему-то не спешили обратить их к небу, а лишь оглядывались по сторонам в поисках чего-либо, что могло бы стать пищей для утоления их желаний, обычно самых низменных.

И лишь один из тысячи стремился не выжить подольше и не хлебнуть перед скорой смертью горячей крови, а утолить ту единственную жажду, которая, снедая одного, в итоге насыщает многих – вождение знаний.

Однако по неясным до сих пор причинам в одном из уголков планеты таких людей стало появляться все больше и больше. Они извлекали из сырых подвалов книги наших великих предков, сваленные туда за ненадобностью, читали слова, написанные столетия назад и с удивлением и стыдом осознавали собственное ничтожество. Они охотились за знаниями пращуров по всем доступным им землям, и очень скоро выбрали все досуха – не так уж много крох осталось от промотанного всеу наследства. Но на наши земли вновь возвращалось то, что, пусть изрядно преувеличив, можно было назвать «цивилизацией».

Пусть лоно ее возрождения было ничтожно в обширности мира – скоро этот процесс должен был двинуться дальше, на соседние земли. Скоро люди, начнут преумножать скудное наследство сами. Скоро им станет тесно дома, и ляжет им под ноги дорога, открывая необозримость мира...

Но, похоже, этим ничтожным росткам не суждено было налиться колосом. Зима наступала на наши земли, страшная зима дикости. Кровавое безумие охватило весь наш мир, и забыл он про былое единство. И схватывались насмерть братья, и убивали друг друга соседи. И заволновались дикари, охватившие наш мир полукольцом, и двинулись в поход. Искра цивилизации непременно бы погасла, но, по счастью, эпидемия безумия перекинулась и на их варварские государства. Не только наши земли, наследники древней культуры – весь мир, вся планета перемалывались этим зловещим молохом всеобщей Смуты. Столетние империи рассыпались, дробясь на все более и более ничтожные образования, называющие себя государствами лишь по собственной гордыне и глупости. В довершение несчастий снизу, в подбрюшье, ударили появившиеся из ниоткуда неисчислимые полчища неведомого народа, пожирившие наш цивилизованный мир с той же жадностью и быстротой, как водяная змея заглатывает пойманную снулую рыбу.

Впрочем, не мне, незначительному, повествовать об этом потопе, закончившемся гибелью моей страны, прямой наследницы самой великой цивилизации нашей планеты. Предмет моего рассказа много меньше и несоизмеримо ничтожнее.

В это злосчастное время на самом краю цивилизованного мира жило отребье. Про этих несчастных мало кто знает даже сейчас, тогда же, за их полной незначительностью, о них ведали единицы. Даже те, кому выпало несчастье жить по соседству, нечасто вспоминали про это племя, глубоко презирая его. Честно говоря, другого отношения оно и не заслуживало. Отребье было многочисленно, но ничтожно. Ученые мужи утверждали, что когда-то у них даже хватило ума создать свое государство, и влиться в цивилизованный мир. Но этот краткий миг торжества разума за давностью был забыт всеми, кроме их самих, да и поверить в него было непросто. Потому как ныне этот выродившийся народ был поработен, расчленен на три части, и смиренно тащил ярмо, не делая даже робких попыток освободиться.

Первая часть оказалась под властью пусть периферийной и отсталой, но принадлежащей к цивилизованному миру страны и потихоньку приобщалась к разуму. Вторых покорило племя, которое было в несколько раз меньше, но, очевидно, гораздо умнее и мужественнее. По крайней мере, завоевателям хватило ума на то, что бы приобщиться к достижениям цивилизации и теперь правящее меньшинство пыталось подтянуть к культуре и сопротивляющееся отребье, упиравшееся, как коза на веревке.

Третья же их разновидность была безнадежна. Загнанные завоевателями в бесплодные северные земли, эти несчастные попали под власть невежественных дикарей. Хотя память о том, что они когда-то были людьми, и крохи знаний еще не исчезли у них окончательно, никакого будущего у этих одичалых не просматривалась. По стылым лесам прятались многочисленные группы людей, охотно принимавшие к себе беглых изгоев любого роду-племени, не брезгуя никем. Даже дикари гнушались общением с ними, ограничиваясь регулярным сбором дани и, иногда, внеплановыми грабежами.

Никакой единой власти на этих землях не было, и быть не могло. Там правил хаос и лишь удачливые главари многочисленных банд контролировали каждый свой кусок территории, периодически устраивая кровавый передел. Правда дикари, пока были в силе, не позволяли отребью учинить милую их сердцу всеобщую резню и, таким образом, лишиться патронов положенной дани. Набеги дикарских орд окорачивали и вразумляли наиболее ретивых и зарвавшихся вождей, и держали отребье в узде.

По сути, лишь две вещи оставались святы для этих ничтожеств, лишь два обстоятельства могли заставить их прекратить взаимные распри и договориться. Трусость заставляла их сообща, вовремя и в полном объеме выплачивать дань хозяевам, а бахвальство требовало периодически подтверждать свое происхождение.

Да, как ни странно, но своей бывшей принадлежностью к цивилизации этот позор культурного мира почему-то безумно гордился. Очевидно – за неимением других поводов для чванства. По этой причине у них существовали единые для всего тамошнего сброда своеобразные «культурные наставники», которых они с присущим цинизмом прямо называли «пастухами». Главного «пастуха» обычно, движимые человеколюбием, отправляли к ним мы, и лишь своих подручных он вербовал на месте. Ни о какой культуре последних, естественно, и речи не было, большинство «пастухов» были столь же дики, как и их стадо. Поэтому роль их сводилась к столь же частым, сколь и тщетным напоминаниям «мы же все культурные люди» и разбору взаимных претензий и обид тогда, когда обращаться к хозяевам-дикарям было слишком дорого или опасно.

Однако наступающее кровавое безумие не обошло стороной и владывающих над отребьем дикарей. Горькой пародией на цивилизованный мир у них тоже началась междоусобица, одно племя поднималось на другое, и всем стало не до отребья. Думаете, те попытались, пользуясь сумятицей, освободиться? Ничуть не бывало! Предоставленные сами себе, они, по

рабской сути своей, платили дань всякому, кому хватило решимости и досуга ее потребовать. Уяснив же, что хозяйское ярмо ослабло, они сначала робко, а потом все активнее и активнее принялись резать друг друга.

Этим взаимоистреблением и должна была закончиться бесславная история опустившегося народа. Думается, никто бы этого не заметил и уж тем более не пожалел – до отребья ли, когда весь мир стоит на грани.

Но случилось немислимое. И началось оно тогда, когда у одного из вожаков отребья студеной зимой 6948 года родился второй сын...»

* * *

Нет, это не фантастический роман о предполагаемом постапокалиптическом будущем. Это самое что ни на есть реалистическое описание нашего прошлого, которое могло быть написано каким-нибудь византийским ученым монахом.

Седьмое тысячелетие объясняется просто – Иван Третий – а именно он и был тем вторым сыном – был убежден, что родился в 6948 году и с этой уверенностью помер. И внук его в этом не сомневался, и праправнуки так же думали бы, существуй они в природе. Не забывайте, что привычное нам исчисление годов от рождества Христова еще каких-то двести лет назад было иноземной новинкой, введенной Петром Первым. А отцы и деды петровских сподвижников считали годы, как положено, от сотворения мира. 6948 – это год, расположившийся между 1 сентября 1439-го и 31 августа 1440 года.

Цивилизованный мир – это, естественно, мир христианский. Возрождение знаний предков – Возрождение и есть, самое-самое начало Ренессанса, который еще не перекинулся из Италии в другие европейские страны. Три части отребья, это, соответственно, земли, попавшие под власть Польши, Литвы и Золотой Орды. Покорившие «отребье» дикари – пресловутые «татаро-монголы». А люди, обозванные в этом тексте «отребьем», естественно, сами себя называли «русскими».

Прозвище «отребье» обидно, но увы, вполне справедливо. Да, неприятно осознавать, что твои предки когда-то представляли собой весьма жалкое зрелище. Не верите мне, поверьте нашему «первому историку и последнему летописцу» – Николаю Карамзину.

«Нравственное унижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая Татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на Государство: сила казалась правом; кто мог, грабил; не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татба сделалась общею язвою собственности» [1].

Деградация всегда неприглядна, именно поэтому, думается, российские историки и стеснялись большей частью называть все своими именами.

Меж тем – чего стесняться? Главное ведь не то, кем ты был. Сдается мне, каждый человек найдет в своей жизни период, о котором он не будет рассказывать внукам у камина. Главное – кем ты стал. А здесь результат известен:

«Человек, преодолев жестокою болезнью, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии так, что История едва ли представляет нам два примера в сем роде» [2].

Но начинать рассказ, думается, надо все-таки не с выздоровления, а с кризиса, ему предшествовавшего. Тогда станет понятнее, каких сил стоило отребью превратиться в народ, и сделать из бандитского «темного леса» одно из самых заметных государств на планете Земля. Тем

более что события того времени были беспрецедентны даже для нашей истории, никогда особой благостностью не отличавшейся.

Поэтому расскажу я не про царствие создателя России Ивана Третьего, когда-то первым получившего прозвище Великий (лишь два российских монарха удостоились его позже – Петр и Екатерина), а ныне практически забытого «благодарными» потомками. Начнем мы с его отца, московского князя Василия Васильевича...

[1]Карамзин Н.Н. История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Глеча, 1819 г. Т.5 С.370

[2]Там же.

Глава вторая, в которой говорливый автор наконец-то начинает повествование

Помните великолепный рассказ Георгия Шаха «И деревья, как всадники...»? Дело происходит в далеком будущем, где один страстный любитель литературы решает возродить интерес к незаслуженно забытым произведениям. Способ для этого он выбрал весьма оригинальный – издавал забытую классику под своим именем и, естественно (произведения-то гениальные), имел оглушительный писательский успех, стал живым классиком.

Вот и у меня был искус – написать роман в стиле фэнтези, но ни одного эпизода не придумывать самому, а все беззастенчиво списать из нашей же родной истории. А что – вполне могло сойти с рук...

Антураж, судя по всему, мало кому известен в своем реальном виде, надо просто народы и государства переименовать, да малость скорректировать имена главных действующих лиц. Самое заманчивое – ничего выдумывать не пришлось бы, ни единого лишнего эпизодика!

Литературное произведение, как известно, всегда «про реальную жизнь, но только гораздо интереснее» – а иначе бы никто и читать не стал. Но иногда реальная жизнь подкидывает такие сюжеты, что никакого приукрашивания не требуется, скорее уж наоборот – автора обвинят в неумеренном нагнетании страстей. Берем одну полузабытую распрю между двумя княжескими родами и получаем готовый сериал с шекспировским накалом страстей в духе мартиновской саги «Песнь льда и огня», более известной по сериалу «Игра престолов».

И была бы у нас эдакая «Песнь о несчастном Слепце и трех братьях – Косом, Силаче и Красавчике»...

Вася был поздним ребенком.

Когда он родился, его отцу было уже 44 года, мама тоже была немолода, поэтому появлялся на свет Вася очень трудно, долго и мучительно – мать едва не умерла родами. На таких детей родители обычно, что говорится, «не надыхаются». Но Васю они должны были любить просто невероятно.

Мало того, что он был «последыш» – до этого у супругов один за другим умерли четверо сыновей, причем троих снесли на кладбище в первый же год после рождения. Четвертый же, папина гордость, наследник-красавец, уже выросший и женатый, сторел от болезни за несколько дней на глазах у почерневших родителей. Можете теперь себе представить, что для них значило рождение Васи.

Впрочем, не для них одних. Дело в том, что Вася был не просто поздним ребенком. Он был поздним сыном великого князя Московского Василия Дмитриевича. Мудрено ли, что появление долгожданного наследника взволновало множество людей. В летописях осталась даже легенда о его появлении на свет.

Как уже говорилось, роды у княгини Софьи были очень трудными, и метавшийся из угла в угол отец попросил одного известного своим благочестием инока из Иоанновской обители молиться за княгиню. «Не тревожься! – ответил старец: – Бог дарует тебе сына и наследника всей России». Так и случилось, и лишь только стало известно, что София благополучно родила, во дворце появился взбудораженный духовник князя, священник Спасского Кремлевского монастыря. Оказывается, в своей келье он неожиданно услышал голос: «Иди и дай имя великому князю Василию». Священник очень удивился – зачем князя называть вторично, да

еще тем же именем. Поспешил во дворец, и узнал, что в ту минуту у князя родился наследник. Все решили, что княжьего духовника посетил ангел, и назвали младенца так же, как отца – Василием.

Правда это или позже сочиненная легенда – мы, наверное, никогда не узнаем. Но то, что рождение Василия Васильевича для современников было значительным событием – бесспорно.

Но страшные сказки и мрачные саги – особый жанр. Пока счастливые родители светятся изнутри, челядь носится по дому как испуганная, а народ, раскланиваясь при встрече, довольно интересуется: «Слышал, кум? Сын у князя-то, не девка какая. Дал бог наследника, значит...» – непременно должно случиться что-то ужасное. Счастье в сказках никогда не длится более одного мгновения – непременно явится какая-нибудь обиженная невниманием злая фея, дозорный на вышке заорет: «Враги идут!», или просто и незамысловато сглазят младенца – в общем, что-нибудь, да испортит праздник.

Жизнь же, с которой мы списываем нашу сказку, чаще обходится без этих мелодраматических эффектов. Все проще и страшнее. Так и на сей раз – как бы ни были счастливы родители, их ликование было сдобрено изрядной толикой бессильной тоски. Младенец был проклят с рождения, и жизнь, которую он, заполошно крича, начал пару часов назад, не сулила ему ничего хорошего.

Родители гнали от себя эти мысли, не желая портить счастливый миг, но они не могли не понимать, что легкой судьбы у Васи не будет. И избавить его от напастей у них вряд ли получится – все было предрешено задолго до появления на свет пятого сына Великого князя. Забегая вперед, признаемся – реальность превзошла даже самые худшие ожидания князя и княгини.

Рок, нависший над младенцем, имел вполне конкретное имя – Юрий и приходился он новорожденному родным дядей.

Приговор, который был подписан мирной жизни и младенца, и всего Московского княжества, включал в себя всего 23 слова. Звучал он так: *«А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел»*

Это строки из завещания деда нашего Васи – знаменитого русского князя по имени Дмитрий, по кличке «Донской». Но здесь придется отвлечься и поговорить немного о практиковавшейся тогда системе наследования, тем более, что простой ее не назовешь.

Прежде всего – пусть вас не смущает оспариваемый титул «Великий князь». Тогдашняя система власти вовсе не напоминала знакомую всем по школьному учебнику европейскую чеканную пирамиду феодальной иерархии с королем (великим князем) на вершине. Какая там пирамида! Скорее уж – непрерывно перемешиваемая «солянка сборная».

Во-первых, не было никакой непрерывной цепочки передачи власти от отца к сыну. Титул «великий князь» наследовал не старший сын, а старший в роду. Представим себе этого гипотетического короля с вершины пирамиды. Пусть после его смерти титул перешел к старшему сыну, а другие сыновья остались при старшем брате. Идут годы, у сыновей рождаются дети – внуки нашего короля. Но после смерти старшего сына титул получает не его первенец, а его младший брат – второй по старшинству сын короля. Дальше на очереди – третий, четвертый и так далее. И лишь после смерти всего второго поколения титул отойдет наследнику старшего сына короля. Можете себе представить, как все запутается уже через пару поколений.

Далее – семьи в те времена низкой рождаемостью не отличались. В России вообще вплоть до двадцатого века была самая высокая в Европе рождаемость, в среднем женщины рожали по 7,5 детей (у ближайшего преследователя – Болгарии этот коэффициент был 7,0, у Литвы, Румынии и Сербии – 6,5)[1]. В общем, темпы воспроизводства у нас были стопроцентно азиатские, и власть имущие в этом плане ничем от своего народа не отличались, а если и отличались, то только в большую сторону. К примеру, у того же Петра Первого было пять братьев:

Дмитрий, Алексей, Федор, Симеон, Иван (Петр – шестой, младший), и десять сестер: Евдокия, Марфа, Анна, Софья, Екатерина, Мария, Феодосия, Евдокия, Наталья и Феодора. Общим счетом – шестнадцать душ, правда, от двух жен.

Нетрудно понять, что через несколько поколений великокняжеская семья разрасталась настолько, что просто не могла функционировать как единое целое. Что тогда происходило? Правильно. Срабатывал принцип пчелиного роя – какая-нибудь из родовых ветвей отпочковывалась, выделялась в отдельную семью, ее глава немедленно называл себя «великим князем» и все начиналось сначала.

Два завершающих штриха. Во-первых, территория делилась между сыновьями. Полученный кусок каждый из них опять дробил между своими отпрысками. Процесс не прерывался и от перспективы раздробления «вся земли русской» на уделы величиной с носовой платок спасали только высокая смертность (удел покойного, не оставившего наследников, делился между братьями) да собственнические инстинкты родственников, никогда не брезговавших присоединить к своим владениям чужой кусок с помощью законных или незаконных методов.

Во-вторых, не следует думать, будто великий князь безраздельно повелевал всеми своими братьями, сыновьями, племянниками и т.п. Отнюдь. Наши предки весьма активно претворяли в жизнь известный лозунг Бориса Николаевича Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете унести». Да, княжество, где правила та или иная семья, формально считалось единым. Но на деле каждый из братьев на своей территории, полученной в наследство, был полным хозяином, и подчиняться никому не был обязан даже по закону. Отношения скорее были родственными – старшего брата чуть больше уважали, как главу семейства.

Если читатель продрался через эти дебри средневековой юриспруденции, то для него процитированное выше завещание Дмитрия Донского звучит совершенно недвусмысленно. По давней, освященной авторитетом предков традиции после смерти счастливого отца позднего ребенка Василия Дмитриевича первенство в «московской семье» должно было отойти второму сыну Дмитрия Донского – Юрию Дмитриевичу.

Но пора уже познакомиться и с этим героем нашего рассказа...

[1] Демографическая модернизация России: 1900-2000. М.: Новое издательство. 2006. С. 158.

Глава третья, в которой рассказывается о злодее, который им быть не хотел

Сразу скажу – во всей приключившейся истории Юрий традиционно считается главным злодеем – именно на него вешают вину за произошедшее едва ли не все учебники. Меж тем второй сын Дмитрия Донского, Юрий, был весьма приличным князем и неплохим человеком. Крестник великого Сергия Радонежского, он был очень популярен в народе. И немудрено – если бы тогда были в ходу характеристики с места работы, то описание нашего героя пестрело бы словосочетаниями «хороший хозяин», «смелый воин», «талантливый полководец» и, главное, «глубоко благочестивый человек».

При разделе имущества он получил от отца два города – подмосковный Звенигород и далекий, затерянный в лесах Галич. Кроме положенной доли в Москве, естественно – столица традиционно делилась между всеми сыновьями как праздничный торт, каждому доставался свой сектор, с которого он и собирал денежку.

Галич, кстати, был не тот древний русский Галич, которому самая западная область нынешней Украины – Галиция обязана своим названием. Нет, это был его тезка, так называемый Галич Костромской или, иначе, Галич Мерьский. Неблагозвучное название к мерзости отношения не имеет, а происходит от названия фино-угорского племени «меря». Это был практически пограничный город, северо-восточная окраина московских владений. Здесь, в густых северных лесах, заканчивалась территория, издавна населенная русскими и начинались владения, населенные чуждыми племенами.

Пусть вас не удивляет отдаленность друг от друга владений Юрия. Подобная чересполовица тогда была в порядке вещей – территориальные владения завещались примерно так же, как и вещи, без всякого порядка, что у князей, что у бояр. Эту шубу одному сыну, тот серебряный кубок – другому, этому – городок на севере, пару сел на юге, и несколько кварталов в Москве. Пусть с них налоги собирает, на жизнь хватит. Принцип территориальной близости не только не соблюдался – его скорее старались избегать, опасаясь обычных тогда сепаратистских умонастроений. Когда твои владения раскиданы по всему княжеству – попробуй-ка, отделись. Так и мотались хозяева по всей стране, посещая вкрапленные в нее владения.

Получив наследство после смерти отца в 1389 году, пятнадцатилетний Юрий перебирается в Звенигород, где и оседает на следующие 36 лет. Почти сразу юный князь проявил себя, как сказали бы сегодня, крепким хозяйственником. Подданных не прижимал, три шкуры не драл, скорее уж наоборот. Именно при нем Звенигород расцвел пышным цветом, правление Юрия Дмитриевича было поистине «золотым веком» этого города. Практически все нынешние туристические достопримечательности Звенигорода, на которые мухами слетаются туристы, остались городу в наследство от князя Юрия.

В немалой степени этот расцвет был следствием второго таланта Юрия – воинского. Младший брат великого князя считался опытным и умелым полководцем, и эту репутацию он подтвердил на самом излете 14 века. В 1399 году 26-летний Юрий по велению старшего брата «сел на конь», и пошел со своей дружиной в набег на волжскую границу. Волга тогда была поделена – в верховьях жили русские, а ниже обитали местные племена: давно принявшие ислам волжские болгары [1] и оставшаяся языческой «черемиса» – предки нынешних чувашей, мордвы и других волжских народов.

И те, и другие давно уже осели, обзавелись городами и были такими же данниками татар, как и русские. По сути, эти народности служили своеобразной прослойкой между Лесом, занятым русскими, и Степью, принявшей татар. Во владения южных соседей русские поначалу не

совались, но когда у татар начались междоусобные разборки, и им стало не до своих вассалов, осмелевшие славяне начали потихоньку пощипывать волгарей. Те, впрочем, тоже огрызались. Незадолго до похода Юрия они разорили самый дальний русский форпост на великой реке – Нижний Новгород, поэтому-то великий князь, решив не спускать наглости, и отправил брата в карательную экспедицию.

С заданием Юрий справился блестяще – трехмесячный рейд принес ему всенародную славу. Огнем и мечом прошелся Юрий по Волге и захватил богатые волжские города Болгары, Жукотин, Казань и Кременчуг («тезка» известного украинского города). Это была блестящая победа русских – никогда еще они не заходили так далеко в чужие владения. Кроме морального удовлетворения и народной любви, Юрий получил и изрядную материальную компенсацию за свои подвиги в виде богатой добычи: *«воююще и пленяюще землю их, возвратишиися со многим богатством в свояси»*.

После этого рейда жизнь Юрия изменилась. Из категории «гордый, но небогатый» он сразу же переместился в категорию завидных женихов. Именно эти деньги и стали стартовым капиталом для хозяйственной деятельности Юрия. Предпринимателем он оказался успешным – все знали, что деньжата у звенигородского князя водятся. Кроме того, он наконец-таки женился – в 1400 году Юрий сыграл свадьбу с княжной Анастасией, дочерью своего тезки смоленского князя Юрия Святославича. Жениху тогда было 27 лет – возраст более чем зрелый, что-то вроде нынешнего сорокалетнего. По нормам тех времен, когда средняя продолжительность жизни вполне укладывалась в три десятка годов, а пятидесятилетний считался старцем, Юрий женился очень поздно. Свадьбу гуляли в столице, в Москве, и нельзя было не порадоваться, глядя на князя. Ну все при нем – и басурман пограбил удачно, и женился неплохо, и о душе не забыл. Зрелый мужчина в полном расцвете сил, богатый и популярный. Очень положительный персонаж.

После свадьбы жизнь Юрия пошла в гору. Города его, управляемые умело и грамотно, богатели, но богатство Юрию Звенигородскому очи не застило. Часть своих денег он пустил на самое благородное по тем временам дело – на торжество веры православной. Сразу по возвращении из памятного набега он жертвует в обитель, основанную монахом Саввой «злато довольно и селы, много имения довольно на строение монастырское». Из этого, как сейчас бы сказали «совместного проекта» князя и монаха вырос знаменитый Саввино-Сторожевский монастырь. Кроме того, в том же победном 1399 году просвещенный правитель (а Юрий был «просвещения сподоблен» от своего знаменитого крестного, Сергия Радонежского, о начитанности князя упоминают и другие источники) закладывает в Звенигороде в честь своей победы белокаменный Успенский собор на Городке. Позже был возведен и Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря.

Кстати, именно Юрию Звенигородскому мы обязаны тем, что у нас есть Андрей Рублев. Именно младший брат великого московского князя заметил тогда еще никому не известного иконописца, своего ровесника и пригласил его в Звенигород расписывать свои соборы. Именно в подмосковном Звенигороде находятся самые ранние из известных работ художника – в тамошних соборах до сих пор сохранились фрагменты фресок работы Рублева или его товарищей. Кроме того, именно во время своей работы в Звенигороде Рублев написал иконы, известные теперь под названием «Звенигородский чин».

С Юрием связано не только раннее творчество великого иконописца. И на пике творчества Рублева, в период, когда он создавал свои самые великие творения, рядом с его именем мы опять находим имя князя Юрия. В 20 годы 15 века галицкий князь решает отдать дань уважения своему великому крестному и финансирует строительство в загорском Свято-Троицком монастыре (мы его знаем как Троицко-Сергиеву Лавру) нового каменного храма – Троицкого собора. Расписывали новостройку самые именитые тогда на Руси богомазы – Андрей Рублев и Данило Черный. Ценность икон Рублева, кстати говоря, прекрасно понимали задолго до воз-

никновения моды на русские иконы – эти произведения искусства считались настолько ценными, что использовались сильными мира сего в качестве взяток. Так, к примеру, известный церковный деятель Иосиф Волоцкий, желая помириться с тверским князем Феодором Борисовичем, «начат князя мздою утешати, и посла к нему иконы Рублева письма и Дионисиева». И за самую знаменитую икону «Рублева письма» мы должны сказать спасибо нашему герою – именно для Троицкого собора Троицко-Сергиевой Лавры, построенного в основном «ижидвением» Юрия Галицкого, Рублев и написал свою великую «Троицу».

В общем, жил себе второй сын Дмитрия Донского вполне достойно – воевал, строил, хозяйствовал. Всю жизнь честно подчинялся старшему брату, по его приказу ходил на войну, на власть никак не посягал. И лишь в одном вопросе братья не могли примириться.

Поводом для распрей было, конечно же, великое княжение...

[1] Пусть вас не смущает название. Изрядная часть этого волжского племени когда-то ушла искать лучшую жизнь в направлении Балкан и там растворилась среди южных славян. В наследство они оставили свое название будущей главной советской «незагранице» – Болгарии. А оставшиеся дома так и проживали на родной Волге. Дабы отличать их от балканских родственников, им немного поправили название – на «булгары».

Глава четвертая – об отцовской любви

Дело в том, что появление Васеньки спутало все карты. Все уже практически смирились с тем, что великий князь не оставит наследника и Юрий, безусловно, в мечтах уже примерял бы корону, если бы она в московском княжестве была.

После появления последыша все изменилось. Великого князя, похоже, сильно пригнула вечная проблема родителей поздних детей – как успеть до смерти вырастить, «поднять» сына. И, надо сказать, Василий-старший сделал все возможное для ее решения. Любящий отец, конечно же, очень хотел обеспечить будущее своего «младшенького» и оставить великое княжение ему. Кое-какие козыри у него были. Обстоятельства сложились так, что уже много лет власть в княжестве московском передавалась не от брата к брату, а от отца к сыну. Это была, конечно, чистая случайность, цепь удачных совпадений, но для престарелого отца – очень удобная. «Де факто» уже несколько поколений в княжестве действовал совсем другой порядок наследования. Но, как мы помним, «де юре» никто не отменял, а по древнему закону шансов у наследника практически не было. Дмитрию Донскому везло на сыновей, и между маленьким Васей и великим княжением стояли еще четверо – младшие братья его отца Юрий, Андрей, Петр и Константин.

Вот их-то и принялся убеждать Василий Дмитриевич. Двое средних – Андрей и Петр, поступиться своим первородством согласились практически сразу. До нас дошли договорные грамоты Василия Димитриевича со всеми четверьмя братьями. В «договорах» с Андреем и Петром все прописано четко – князья обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение «и под сыном его». В договоре с Юрием этого пункта нет.

Кроме того, изрядная неприятность настигла Василия там, где он ее и не ждал – заартачился и самый младший из братьев – Константин. И это несмотря на то, что младший сын Донского находился в самом невыгодном положении, и больше всех зависел от старшего брата. Дело в том, что он родился всего за четыре дня до смерти отца, и поэтому остался «бесприданником» – в духовной Донского, написанной еще до рождения Константина, ему, естественно, не было завещано ничего. Удел ему от щедрот выдал старший брат: Василий Димитриевич в первом своем завещании говорит: «А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему в удел Тошню да Устюжну по душевной грамоте отца нашего, великого князя».

Однако признать права племянника облагодетельствованный братаец неожиданно отказался, заявив: «Этого от начала никогда не бывало!» Гнев великого князя был страшен. Нет, ну в самом деле?! Я его кормлю, пою и воспитываю, а он тут становится в третью позицию... В общем, удел у возмнившего о себе братца был немедленно отобран обратно, и оставшийся без кола и двора Константин подался в дежурное убежище всех недовольных князей – в Великий Новгород. Правда, гордости у младшенького хватило ненадолго – оставшись без средств к существованию и помыкавший на чужбине, Константин в конечном итоге уступил старшему брату, бумагу подписал и возвратился в Московское княжество, в свой маленький удел.

Но оставалось самое сложное – Юрий. Тот поступаться своими правами не хотел, а экономических рычагов давления на этого крепкого хозяина у Василия почитай что и не было. В итоге несчастному отцу оставалось надеяться на всегданнее «может, все как-нибудь само собой рассосется». Завещание он все-таки оставил в пользу сына. В нем он по полному праву оставлял сыну свои приобретения: присоединенные им к княжеству Новгород Нижний и Муром, а о великом княжении писал даже с некоторым бессилием: «А даст бог сыну моему великое княжение...». Очень примечательно, что в духовной князь просит позаботиться о малолетнем Василии Васильевиче своего тестя, братьев Андрея, Петра и Константина, и даже троюродных братьев, сыновей князя Владимира Андреевича; но ни разу, ни в одном из вари-

антов завешания не единым словом не упоминается Юрий Дмитриевич. Комментарии, наверное, излишни – какие еще доказательства требуются в пользу того, что второй сын Донского был упрям и на своем стоял твердо.

Увы, «дожать» ситуацию Василий Васильевич так и не успел. В ночь с 27 на 28 февраля 1425 года на пятьдесят четвертом году жизни скончался великий князь московский Василий Первый. Через десять дней у его единственного сына, Василия Васильевича, был день рождения. Ему исполнилось десять лет.

Итак, ситуация проста. Претендентов двое – популярный в народе князь, которому только что перевалило за пятьдесят, и десятилетний пацан.

На кону – великое княжество Московское.

Глава пятая, рассказывающая о молодости древней столицы

Однако давно уже пора подробнее разглядеть наш пресловутый приз – то самое Великое княжество Московское, которое и оказалось на кону в неизбежном споре между дядей и племянником.

Словосочетание «Великое княжество Московское» я предлагаю разбить на две части и поговорить сначала о великом княжестве как таковом, а уже потом – конкретно о московском княжестве.

Прежде всего – не стоит воспринимать тогдашнее великое княжество, как государство в нашем теперешнем понимании. Ничем подобным там и не пахло – никакой тебе «властной вертикали», ни даже «федеративного договора». С точки зрения властных отношений вся территория северо-восточных русских княжеств представляла собой огромное лоскутное одеяло. В роли лоскутков выступали так называемые уделы, от довольно обширных до совсем крошечных – пара нищих деревенок в два крестьянских двора. Но каждый хозяин своего наследственного владения (вотчины, по-другому – «отчины», то есть «от отца полученное»), кем бы он ни был, в своих землях являлся полноправным хозяином и плевать хотел на любого князя. Это его земля, только он на ней хозяин, и никто, кроме него, не вправе судить-рядить, карать и милловать ее жителей. С «вышестоящим начальством» его связывали чисто деловые отношения.

Честно говоря, аналогия «великому княжеству», показавшаяся мне наиболее подходящей, лежит вовсе не в сфере государственного права. Помните, когда мы рассуждали о тогдашних принципах наследования, ключевым понятием для нас было «семья». По-итальянски – «мафия».

Именно систему «организованных преступных группировок» русские княжества и напоминали больше всего. Со всеми атрибутами – рыхлой структурой, постоянно заключаемыми, тут же пересматриваемыми и часто разрываемыми личными договоренностями, постоянными внутренними и внешними конфликтами, отпадением и приращением составляющих. Систему, где каждая мафия-семья контролировала ту или иную территорию, те или иные структуры, периодически устраивая внутренний или внешний передел. Как мы помним, каждый член великокняжеской семьи после смерти отца получал удел: те или иные города и села. Цель этого надела была самая благая – что бы сын с голоду не умер. Сходство с мафией усиливало и то обстоятельство, что отношения удельных князей с подданными вполне укладывались в традиционную схему «крышевания».

Именно так. Не стоит думать, будто знаменитые рэкетеры 90-х годов придумали что-то новое. В любые смутные времена (а те времена были куда более лихими, чем пережитые нами на излете XX века) трудолюбивые, но мирные граждане непременно образуют устойчивый симбиоз с ленивым, но дерзким и воинственным асоциальным элементом, и основные принципы этого взаимодополняющего союза не меняются никогда.

Каждое село или город во владениях князя периодически отчисляло ему оговоренную сумму, он же в ответ гарантировал им:

1. Всяческую защиту от многочисленных любителей разжиться чужим добром на дармовщину.
2. Разбор и справедливое разрешение возникающих между «налогоплательщиками» недоразумений.
3. Партнерскую помощь на случай форс-мажорных обстоятельств: в случае неурожая или мора князь вполне мог поделиться с «крышуемыми» подданными собственными запасами.

Интерес, как мы видим, обоюдный – «подконтрольные структуры» получали более-менее стабильную жизнь, а князь – источник дохода.

Что же, кроме родственных отношений, объединяло между собой самих удельных князей, и какова была роль великого князя, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор?

Да то же самое, только в большем масштабе. Прежде всего – забота о собственной безопасности – уделы у князей часто были небольшими, а врагов хватало. Даже если не брать в расчет иностранные государства, тех же самых русских княжеств и окромя московского было презрительно, и ни одно из них не отказалось бы поставить под свой контроль еще одно доходное предприятие. Значит, надо было объединять усилия. Поэтому братья обычно заключали военный союз и договаривались о совместном ведении боевых действий: *«Сяду я на конь (пойду в поход) сам с своею братьею, то и тебе, брат, послать ко мне на помощь двух своих сыновей да двух племянников, оставив у себя одного сына; если же пойдут на нас или литва, или ляхи, или немцы, то тебе послать детей своих и племянников на помощь; корм они возьмут, но иным ничем корыстоваться не должны. Также если пойдут на вас татары, литва или немцы, то мне идти самому к вам на помощь с братьями, а нужно будет мне которого брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю[1]»*.

Кстати, как вы понимаете, для того, что бы выслать войско, надо было его иметь. Но воинам надо платить, а с деньгами в нищей тогда Руси традиционно было неважно. Приходилось жертвовать частью своих владений. Со своей военной дружиной – боярами, удельный князь обычно расплачивался теми же самыми селами, на доход с которых они и жили. Боярские вотчины были удельными княжествами в миниатюре – практически такие же суверенные владения, наследуемые от отца к сыну. И даже если боярин переходил на службу к другому князю (а он имел на это полное право при соблюдении определенных условий), вотчина обычно оставалась за ним. Теперь вы можете представить все масштабы «лоскутности» этого одеяла.

Впрочем, князей и бояр связывали не только «служебные», но и самые прозаические финансовые отношения. Дело в том, что великое княжество отнюдь не было вершиной этой «криминальной пирамиды». Суверенных русских княжеств тогда просто не существовало в природе – все они входили в состав того или иного государства. Северо-восточные княжества, в том числе и Московское, были частью государства, ныне известного как Золотая орда. И, как прилежные подданные, время от времени они были обязаны перечислять «в центр» изрядную сумму в виде налогов. Налог этот назывался на Руси «ордынским выходом».

Первые годы после завоевания татары дань собирали самостоятельно, посылая на Русь свою налоговую полицию – «баскаков». Однако в начале XIV века русские князья убедили их, что эту ответственную функцию лучше передоверить товарищам на местах. Мы, дескать, и народишко здешний лучше знаем, поэтому и налога соберем побольше – пришлого-то всяк надуть норовит, а у нас, шалишь, у нас не забалуешь! Мы-то здесь рядышком, мы из них все вынем! Опять же, вам лишний чиновничий аппарат содержать не требуется, какая никакая, а экономия...

Значение великого князя было в том, что именно у него был эксклюзив на право платить «выход» в Орду. Именно в его руки стекался весь «выход» с княжества, пользуясь терминологией тех самых ОПГ, именно он «держал общак». Никто больше право на это не имел. Надо ли разьяснять, какие преимущества это давало? Не случайно любые попытки выстраивания отношений «с центром» самостоятельно, через голову великого князя, пресекались незамедлительно. Во всех договорных грамотах великих князей со своими братьями фраза *«Мне знать Орду, а тебе Орды не знать»* присутствовала непременно.

А теперь просто попробуйте представить себе, насколько сложно было управлять этой рыхлой и аморфной структурой. Надо выход собирать, а этот плачется – дескать, град у меня был, весь урожай побил, людишки лебеду жуют, не с чего мне выход давать. Другой блажит, что он прошлый раз передал, за соседа доплачивал, поэтому сейчас ему скидка полагается.

Третий намекает, что надо бы долю его уменьшить, у него народец в бега подался, три деревни пустые стоят, собаки, и те сбегли. С третьим братцем поругались, он волком смотрит, к нему и не подойди лишний раз, младший тоже обижен – мой боярин на его боярина наехал (не примите за сленг, это слово тогда очень часто использовалось именно в привычном сегодня значении), а я де на суде несправедно сторону своего держал. А мой собственный набольший боярин тоже губы дует, к рязанскому князю отъехать грозит. Племянник с тверичами сцепился, никак деревеньку пограничную поделить не могут, скоро до сабель дойдет. И ведь не цыкнешь ни на кого, к ногтю не возьмешь – чай не холопы какие. Вольные люди, в своем праве!

В общем, не было у великого князя методов против Кости Сапрыкина. Был он, по сути, чисто номинальной фигурой, которая «царствует, но не правит», не более чем «смотрящим» над буйным, самовольным и разношерстным племенем.

Но пресловутое Московское княжество и в этом отношении стояло несколько особняком. Пора уже познакомиться с «нашей древней столицей» во времена ее молодости.

К моменту противостояния дяди и племянника Московское княжество было одним из крупнейших и авторитетнейших в татарской части Руси. Но так было отнюдь не всегда, семейство московских князей – классический вариант грязи, выбившейся в князи, или, выражаясь по-иностранному, *self-made man*.

Город Москву, как мы все помним из школьного курса, основал еще Юрий Долгорукий, который и закатил там «обед силен». Однако тогда ни о каком княжестве и речи не было – Москва долго оставалась небольшим городком, который давался в удел то тому, то другому князю, причем, как правило, самому незначительному – обычно младшим сыновьям. Самостоятельным, как бы сегодня сказали, «субъектом федерации» она стала только при татарах, вскоре после смерти Александра Невского. Дабы хоть чем-то наделить его младшего и малолетнего сына Даниила, было образовано отдельное Московское княжество, а невеликий город Москва стал столицей, или, как говорили тогда, стольным градом.

Думается, скажи кому из старших братьев юного Даниила, что именно заштатной Москве, недавнему селу Кучкино, суждено стать центром не только Руси, но и самого большого государства на Земле – смеялся бы он до родимчика. Но взлет Москвы оказался невиданно быстрым и впечатлял людей даже несколько веков спустя. Через три столетия, в XVII веке одно из записанных сказаний начиналось словами: *«Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти? Стояли на Москве-реке села красные боярина хорошего Кучка Степана Ивановича...»*.

Мы уже говорили, что новые княжества образовывались обычно тогда, когда старые семьи сильно разрастались. Внутренние противоречия между разными ветвями усиливались и начинали раздирать семью на части. Большая семья дробилась на несколько мелких, владеющих собственными княжествами, однако общего родства это не отменяло. Так и здесь – практически все тогдашние княжества Северо-Восточной Руси управлялись потомками знаменитого многодетного князя Всеволода Большое Гнездо.

На «московский стол» большинство родственников смотрело свысока. Как уже говорилось, основатель московской династии Даниил Александрович был младшим сыном, следовательно, в очереди на великокняжеский престол стоял последним. Реальных шансов достоять эту очередь до конца у него и его потомков просто не было, поэтому московским «данилычам» надо было учиться как-то выживать, не теша себя иллюзиями и высокими притязаниями. Чем они, собственно, и занялись.

«Московские» прекрасно понимали, что им достался «запольный хутор», что в сознании других, «бОльших» князей они надолго, если не навсегда, останутся «младшими», бедными родственниками, которых едва ли не из жалости, «для порядку» наделили уделом. Но они понимали так же, что выбор у них небогат. Им можно было либо удовольствоваться име-

ющимся, дробить и дробить между детьми доставшийся жалкий городишко с несколькими деревнями. Половинить до тех пор, пока на доход с «доли» будет уже невозможно прожить, и потянутся сыновья один за одним «отъезжать», продаваться в услужение богатым и удачливым родственникам. Либо – всеми правдами и неправдами «подниматься», расширяя свой жалкий удел и завоевывая место под солнцем, на которое ни одна сволочь уже не посмеет раззявить рот.

Правда, для этого «данилычам» необходимо было стать стайей хищников – безответных трудяг в то буйное время жрали без соли, не задумываясь и не рефлексировав. Хищников вокруг – каждый первый сосед, никто из них не упустит шанс откусить малость от слабого. Что ж, в таком случае «меньшим» просто придется стать вдвое злее, безжалостнее и неумолимее соперников.

Но одной злобы не достаточно. Подобный расклад, собственно, вечен – во все века и под всеми звездами молодые и наглые рвут себе кусок у старых и обленившихся. Однако благодаря распространенности этого сюжета мы также располагаем и обширной статистикой, которая убедительно растолковывает – наверх прорвется один из тысячи, остальные по дороге пойдут на фураж.

«Московские» – прорвались. Не в последнюю очередь – именно потому, что были кем угодно, только не злобными садистами-«отморозками». Такие среди них, впрочем, тоже встречались, но погоду делали не они. А те, у кого безжалостность и умение хладнокровно и своеручно удавить подставившегося соперника сочетались с умом, хваткой, терпением и почти звериным чутьем.

Они умели зубами цепляться за каждый предоставляющийся шанс и выжимали из него максимум. Они всегда понимали предел своей силы, и не поднимали хвост на того, кто мог придавить их шутя. Они умели ждать, ничего не забывая, до-о-олго ждать вожака момента, чтобы потом одним ударом перебить жертве шею. Умели не брезговать никакими средствами и в то же время никогда не рисковали без нужды, предпочитая планомерно выдирать приглянувшееся, профессионально чередуя мытье с катаньем.

Вот такие-то и составили репутацию московской семье, именно благодаря им семья не только выжила, но и пережила многих.

История возвышения московского клана столь же интересна, сколь и обширна. Об этом написано несколько шкафов умных книг, цитировать которые здесь не с руки. Однако хотя бы краткий экскурс необходим – иначе мы так и не поймем, что же встало между дядей и племянником.

Всякий знает, что бизнес (а управлять княжеством – это прежде всего бизнес) можно делать двумя различными способами. Можно суетиться самому, в поте лица ковать деньги, честными и нечестными путями потихоньку расширять бизнес и мечтать, что когда-нибудь станешь олигархом. Если, конечно, вы достаточно наивны для подобных мечтаний. Потому как практически во времена и во всех странах олигархами становились только посредством второго способа. Вместо многочисленных книжек «Как стать магнатом» достаточно одного совета: надо присосаться к какому-нибудь серьезному денежному потоку (почти без исключений они текут с пирамиды власти) и счастливо жиреть ускоренными темпами. А заботиться только об одном – как бы не пришли какие-нибудь негодяи, и не оторвали от вожака соски.

Как я уже сказал, московских князей никто к власти не пускал и в будущем делать такой глупости не собирался. Пришлось им зарабатывать стартовый капитал самостоятельно. И, надо сказать, получилось это у них неплохо. Однако не спешите осанну петь – большей частью «данилычам» просто «масть пошла», благодарить скорее следовало обстоятельства, которые сложились в их пользу.

Прежде всего, как ни цинично это прозвучит, москвичам повезло с татарским нашествием. Как вы все, наверное, помните из школьного курса истории, татарские дружины прошли огнем и мечом практически по всем русским княжествам, отсидеться довелось только

северянам – новгородцам да «пскопским», до которых отряды Батыея просто не дошли. Что, впрочем, не избавило избегнувших войны северян от необходимости платить дань на общих основаниях. Москва (тогда еще никакое не княжество) тоже получила сполна, город был взят и разграблен. Однако, как бы ни тяжело пришлось северо-восточным княжествам, все-таки главный и самый тяжелый удар пришелся по территории современной Украины. Каток войны прокатился по юго-западным княжествам не один раз, Киев «впал в ничтожество» и пребывал в нем несколько столетий, страну разорили так, что некоторые территории веками (веками!) стояли пустынными.

Вроде как дежурные слова «в результате нашествия область обезлюдела», но просто вдумайтесь – что стоит за этим. Вы когда-нибудь корчевали лес? Мне как-то довелось (больше, конечно, для интереса) корчевать уссурийскую тайгу под дачный участок. Смею заверить – даже для молодого и сильного мужчины это труд на излом, выматывающий и вытягивающий силы досуха. А это смешной участок в десять соток, больше для забавы, чем для работы, для свежей клубники, а не для пропитания. А теперь вдумайтесь, чего стоит только расчистить пашню под нормальное, полновесное поле в несколько гектар, способное обеспечить хлебом большую крестьянскую семью. Поколение за поколением, от отца к сыну, а от него к внукам люди рвали жилы, метр за метром отвоевывали землю у леса, год за годом вели эту бесконечную войну за жизнь с равнодушной природой. А потом все это перечеркнула пара злосудных дней набега, и весь этот пот и труд пошел прахом.

Лес начал свое медленное, размеренное и неотвратимое наступление, отвоеванные поля вновь зарастали деревьями, опять становились вековой и безразличной чащобой – будто бы и не было всех этих людей никогда. Записки тех лет пестрят страшными строками: «села наши лядиною поросша...», «села от того нечестиваго батыева пленения запустели и нане лесом заросша», «от многих лет запустения великим лесом поросша и многим зверем обиталище бывша курская земля».

Отчего же обезлюдели земли, куда делись жители? Многие, конечно, легли в землю, еще больше увели пришельцы в качестве самого ценного и самого ходового товара тех времен – рабов. Кто-то из уцелевших остался на месте начинать все сызнова, но очень и очень многие, помыкавшись, двинулись в путь – искать лучшую долю.

И большая часть этого потока шла в неприветливые северные леса, к родичам, в те русские княжества, «где потише». В том числе – и в новообразованное княжество Московское. И здесь Москва, надо сказать, угадала с местом – она оказалась в центре всех путей, что водных, что пеших.

Северо-восточные княжества, как известно, большей частью тянулись по двум рекам – Оке и Верхней Волге, именно эти две реки вынянчили великоросскую нацию. И именно впадающая в Оку Москва-река соединяла их: ее приток Истра протекал совсем близко от речки Ламы, впадающей в Волгу – вполне можно было переволочь суда из одной реки в другую посуху. Здесь, неподалеку от Москвы, и возник знаменитый Ламский волок с построенным новгородцами торговым пунктом, из которого быстро вырос город Волоколамск. Кроме того, через Москву же шли еще две дороги – путь из Владимира в днепровские земли и из киевских и черниговских земель на Переяславль-Залесский и Ростов.

Оказавшись на главных магистралях движения переселенцев с юга, Москва росла достаточно быстро. Позже ситуация для москвичей стала еще лучше – когда на западе возникло новое государство, молодая и агрессивная Литва, все окрестные княжества – Нижегородское, Рязанское, Ростовское, Ярославское, Смоленское – стали пограничьем, кто с татарами, кто с литвой. Москва же осталась в центре, прикрытая со всех сторон, по сравнению с соседями почти не знавшая набегов. Мудрено ли, что людишки тянулись в Москву? Причем оседали здесь не только одинокие беженцы-крестьяне, хватало и именитого люда. Так, еще при втором московском князе, Юрии Даниловиче, от киевского князя к московскому «отъехал» боярин

Родион Нестерович, да не один, а со всеми своими людьми. А двор у него был не маленький – тысяча семьсот человек, по тем временам – население иного города.

И немудрено, что отъехал. Новый хозяин, в отличие от несчастного киевского князя, был, что говорится, с хорошей перспективой. «Московский стол» очень быстро заявил о своих амбициях. Всего лишь через поколение, поднабрав жирка на переселенцах, москвичи решили выйти на большую политическую сцену и сыграть с другими русскими княжествами по- крупному. Рискованно, конечно, но мирно копаясь в огороде, шампанское пить не будешь – брют не брюква, в земле не растет.

Начали эту затянувшуюся на столетия драку под девизом «Москва против всех» старшие сыновья Даниила Московского – Юрий и Иван.

[1]Цит. по Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. Т.3-4. С. 469-470

Глава шестая – как ковался клан

Собственно, еще сам Юрий Данилович успел продемонстрировать братьям, что вовсе не собирается довольствоваться амплуа почтительного младшего брата. Сначала он захватывает рязанский город Коломну. На законное недоумение князя Константина Рязанского «младшенький» никак не реагировал, а когда рязанский князь попытался выставить дебошира, то по зубам досталось и рязанцам, и приведенным ими татарам. Более того, Даниил умудрился хитростью захватить бедолагу Константина и привести его в Москву, где и держал несколько лет, не забывая, впрочем, оказывать родственнику должные почести.

Поняв, что Коломна сошла ему с рук, Даниил воспрял духом. Через два года после захвата Коломны умирает, не оставив наследников, племянник Даниила – князь Иван Переяславский. Город Переяславль-Залесский был очень лакомым кусочком, и Даниил долго обихаживал хворого племянника, за лаской попутно растолковывая умирающему, кто ему лучший друг и самый подходящий наследник. Однако после смерти Ивана развернулся классический сюжет на тему «родственники делят квартиру умершей бабушки». Как выяснилось, на Переяславль зарился не только дядя Даниил, но и еще двое дядьев – двоюродный Михаил Тверской, и еще один родной – сам великий князь Андрей Городецкий.

Вот этот главный дядя Андрей и решил все без всяких семейных советов – сразу же завез свою мебель в бабушкину квартиру, в смысле – посадил своих заместников в Переяславле. Сказать, что московское семейство было возмущено – это ничего не сказать. Квартиру-то оставили им! По духовному завещанию покойный отписал Переяславль-Залесский князю Даниилу Московскому. К чести московских – решая дилемму «идти или не идти против великого князя», они не колебались ни секунды. Даниил вышиб заместников Городецкого и занял город, а чтобы у противника не было искуса повторить этот фокус, оставил охранять «наше наследство» своего старшенького, Юрия. Тот так и сторожил город безвылазно, даже на отцовские похороны не поехал.

В общем, к концу своего правления Даниил достал всех. Рязанский князь у него в полоне сидит, сын Юрка в Переяславле засел – не выковырять. И, несмотря на все протесты оскорбленных сторон, не отдает же ничего! Даже и не думает поделиться хоть чем-то из захваченного, хотя кусок заглотив явно не по горлу – один только Переяславль был и древнее, и многолюднее, и богаче всей его занюханной Москвы.

Вот это поведение основателя рода и стало образцом для всех последующих московских князей – со всем, что попадало им в руки, можно было попроситься, свои приобретения они удерживали хваткой бультерьера.

Основатель династии – князь Даниил Александрович. Миниатюра из «Титулярника», XVII в.

Отчаявшись решить проблему по-родственному, Городецкий решил приструнить зарвавшегося родственника с помощью высшей власти и отправился в Орду. Жаловаться «царю Тохте» на действия Даниила Московского. Тохта, помыслив, назначил осенью 1304 года общий сбор всех русских князей в Переяславле под председательством ханских посланников. Там и должно было разбираться персональное дело князя Даниила. Присутствовали почти все северо-русские князья, прибыл и глава русской церкви – митрополит Максим. Вот только самого Даниила не было – еще в марте князь скончался, и интересы москвичей представлял его старший сын и наследник Юрий Данилович. Дело новый московский князь выиграл – посланники хана оставили Переяславль за Москвой.

Ободренный успехом, новый глава московской семьи быстро доказал всем, что ругаемый ими папа был еще повидлом – жестокость и абсолютная безбашенность Юрия поражала даже

привыкших, казалось, ко всему сынов того жестокого века. Посадив охранять Переяславль следующего брата Ваньку (всего «данилычей» было пятеро) он первым делом прикончил сидевшего в Москве в почетных пленниках рязанского князя Константина, а сам решил малость подрезать владения других соседей – Смоленского княжества, заняв вместе с братьями Можайск. Можайский удельный князь Святослав Глебович был пленником приведен в Москву. И все это – в год смерти отца.

Теперь московские князья контролировали все течение Москвы-реки. Захват Москвой трех крупных городов разрушил всю сложившуюся систему баланса сил, а Юрия сделал одним из сильнейших русских князей. Дальше – больше. Вскоре умирает великий князь Андрей Городецкий, и Юрий заявляет о своем намерении получить ни много ни мало – великокняжеский стол. Никаких формальных прав у московского князя на великое княжение не было, и быть не могло – его отец никогда не был великим князем и более того – стоял в ряду претендентов, как мы помним, последним. Но у Юрия было куда большее, нежели формальные права – право силы.

Однако здесь, что называется, нашла коса на камень. В своей безоглядной наглости московский дом получил достойного соперника – Тверское княжество. На пути у внука Александра Невского встал племянник великого полководца, Михаил Тверской.

В отличие от дерзкого москвича, тверич имел все права на владимирский стол – именно его отец, Ярослав Ярославович, один из младших братьев Невского, в свое время стал преемником Александра Ярославовича на великом княжении Владимирском. Впрочем, для Юрия и Михаила великокняжеский стол был скорее поводом, чем причиной для вражды. И московское, и тверское княжество были эдакими молодыми хищниками, вошедшими в силу, пока старшие дети Невского дрались за власть. Пока городецкие и переяславские князья тягались меж собой, и в этой схватке исчерпали свои силы, выросла молодая и зубастая смена. Именно ей теперь надлежало выяснить – кто станет первым.

Силы, кстати, были практически равны – у Твери были все шансы задавить Москву. Да-да! Вполне вероятным был вариант будущего, при котором из динамиков сегодня бы доносилось: «Дорогая моя столица, златоглавая наша Тверь!», а провинциалы-москвичи 80-х ездили бы из своего захолустного областного центра на электричках в набеги на магазины великолепной богатой столицы.

Но случилось так, как случилось, Москва выиграла эту схватку, которая действительно шла уже не на жизнь, а на смерть. Я не буду излагать все перипетии этой многолетней борьбы, отмечу лишь, что жестокость Юрия и его абсолютное пренебрежение любыми нормами, в том числе и моральными, поражали даже татар. Даже его ближайший друг и покровитель в Орде, Кавгадый, прилюдно орал на московского князя, когда люди Юрия зверски убили Михаила Тверского, вырезали ему ножом сердце, а тело, обобрав до нитки, бросили валяться на дороге. «Разве он не дядя тебе? – потрясенно кричал татарский вельможа – Зачем же его тело так брошено нагое?[1]». Но даже после этой отповеди один из людей Юрия лишь небрежно набросил на труп Михаила свою котыгу (верхнюю одежду) и под этой котыгой тверского князя так и везли на Русь, не позволяя доброхотам даже обрядить его должным образом, и оставляя тело не у церкви, как положено, а в хлеву.

Думаю, вы уже все поняли. Первых московских князей сегодня назвали бы «отморозками». Действительно, методы, которыми те шли к власти, ничем не отличались от действий плевавших на любые «понятия» безбашенных «пацанов с вольнами». Именно так их и аттестовал наш великий историк Василий Осипович Ключевский, и незнание слова «отморозок» ему не мешало: «Московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями. Это обнаруживается как в их отношениях к дру-

гим князьям, так и в ведении ими внутренних дел своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам. . . . Московский князь – враг всякому великому князю, кто бы он ни был: казалось, самая почва Москвы питала в ее князьях неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства».

Холодная жестокость и наплевательское отношение к любимым законам и обычаям так и остались фамильной чертой почти всех московских властителей. Но только этим они бы не добились ничего. По старому принципу «с волками жить – по волчьей выть» те же тверичи скоро стали не менее жестокими, а храбростью пожалуй что и превосходили москвичей, по крайней мере, в отличие от всегда лояльной Москвы, Тверь несколько раз поднималась даже против татар.

Обычные отморозки не выигрывают никогда, все их войны заканчиваются взаимным истреблением. После чего выжившим бедолагам остается лишь горевать на поминках под жалостливую песню «Братва, не стреляйте друг в друга, так тяжело друзей хоронить». Примерно к тому же шло и в нашем случае – вскоре с Юрием свел счеты сын Михаила Тверского Дмитрий по прозвищу «Грозны очи». Случайно встретив убийцу отца в Орде, он его зарезал, причем собственноручно, за что вскоре и сам поплатился жизнью.

Эта череда убийств продолжалась бы еще долго, если бы не преемник Юрия – тот самый принявший эстафету по охране Переяславля брат Ванька, оставшийся в истории под кличкой «Ванька-лопатник». Извиняюсь, конечно же, Иван Калита.

Он тоже был истинный «данилыч», и кровушки пролить у него не задерживалось – достаточно вспомнить, какими методами еще при Юрии он совместно с отрядами татарского военачальника Ахмыла подавлял ростовское восстание. Да что там – само великое княжение он получил после того, как по велению хана Узбека огнем и мечом прошелся по поднявшему бунт Тверскому княжеству. Пустил кровь так, что Тверь изрядно обезлюдела на долгие годы. Но получив желаемое, Иван резко меняет тактику.

Великое княжение было нужно Калите вовсе не для престижа. Получив в свои руки тот самый мощный финансовый поток в виде собираемой со всех русских князей ордынской дани, он очень быстро перенаправил его в пользу родного княжества. Детские игры времен «первоначального накопления» с налетами и захватами закончились, не зря Симеоновская летопись сообщает, что в правление Калиты наступила «тишина велика по всеи земли[2]». Новый великий князь предпочитал бить неудобных рублем, а не мечом, забирая за долги, а то и просто покупая там деревеньку, там село, которые отныне становились частью Московского княжества.

Примерно так же действовали и все его потомки. Как писал тот же Ключевский: «С тех пор и московские князья, начав свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела, заботятся о водворении в нем прочного порядка, заселяют его промышленными и рабочими людьми, которых перезывают к себе из чужих княжеств, толпами покупают в Орде русских пленников и на льготных условиях сажают тех и других на своих московских пустошах, строят деревни, села, слободы[3]».

Все очень быстро убедились, что цепкости москвичей позавидует любой скупердяй. Великого княжества они из рук больше не выпускали. Утвердились настолько прочно, что татары, разумно опасавшиеся чрезмерного усиления одного из русских князей, скоро вывели из под контроля москвичей изрядный кус, образовав еще три великих княжества – Рязанское, Суздальское и Тверское, даровав тамошним князьям право самостоятельно собирать и привозить в Орду «выход». Все равно москвичи остались в прибылях, хотя бы потому, что за ними всегда оставался «выход» Господина Великого Новгорода, а это огромные деньги.

Основная сила москвичей всегда была в преемственности. Этим заветам первых Даниловичей – жесткость, цепкость, гибкость и бережливость, доходящая до скопидомства – оставались верны все их потомки. Верны настолько, что после Калиты московские князья, за исключением, пожалуй, Донского, почти неотличимы друг от друга. Предоставим опять слово Василию Осиповичу: *«Прежде всего московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью – не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия[4]».*

И дальше: *«В чем же состояло это фамильное предание, эта наследственная политика московских князей? Они хорошие хозяева-скопидомы по мелочам, понемногу. Недаром первый из них, добившийся успеха в невзрачной с нравственной стороны борьбе, перешел в память потомства с прозвищем Калиты, денежного кошель. Готовясь предстать пред престолом всевышнего судии и диктуя дьяку духовную грамоту, как эти князья внимательны ко всем подробностям своего хозяйства, как хорошо помнят всякую мелочь в нем! Не забудут ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой, все запишут, всему найдут место и наследника. Сберечь отцовское стяжание и прибавить к нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить – вот на что, по-видимому, были обращены их правительственные помыслы, как они обнаруживаются в их духовных грамотах[5]».*

Именно это и позволяло им в те нелегкие времена, когда все русские княжества едва сводили концы с концами, потихоньку-полегоньку расширять свои границы, увеличивать свои владения и сделать свое княжество одним из крупнейших. Но для этого одного скопидомства и следования отцовским заветам все-таки было недостаточно. Не устоишь на одном этом в те времена, когда шаталось все и вся.

Была у московских князей еще одна фамильная особенность.

Все российские князья знали – московский стол всегда стоит монолитом. Не было тогда на Руси более спаянной семьи, чем московская, все они непоколебимо держались завета отцов: «жители за один». В течение пяти поколений и при семи князьях Московское княжество оставалось, наверное, единственным в «монгольской» Руси, не знавшим междоусобиц. Цапались все – и тверичи, и рязанцы, и нижегородцы. Но «данилычи» никогда не вставали друг на друга. Худо, бедно, со скрипом и сдерживаемыми ругательствами – но договаривались.

И вот теперь, после смерти Василия Дмитриевича, «московские» впервые вплотную подошли к порогу, за которым – смута.

[1]Цит. по Иловайский Д.И. История России. Т.2, М.: 1896, С. 18

[2]Симеоновская летопись. (ПСРП Т. 18) М.: Знак. 2007. С.90.

[3]Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. М.: Мысль, 1987. С. 14

[4]Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. М.: Мысль, 1987. С. 47

[5]Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. М.: Мысль, 1987. С. 49.

Глава седьмая, напоминающая о камешке, срывающем лавину

Эпоха умирает долго. Нет, закончиться она может в один миг, и нам ли, уроженцам страны Атлантиды, этого не знать? Несколько августовских дней, несколько месяцев на исходе тысячелетия, и все разом посыпалось. Сложилось, как картонный домик. Падая, верхние перекрытия ломали нижние, здание погребало самое себя, и куда там остановить – заметить никто ничего не успел. И все. Не то что страна – весь мир стал другим.

Не страна – эпоха кончилась. И лишь мы, бывшие атланты, разметанные бурей по разным берегам, смотрим иногда на море, сомкнувшееся над нашим прежним миром, и лучше всех понимаем, что прав был лохматый старик, чьи фотографии с высунутым языком так любили вешать над рабочим местом представители почти вымершего племени ИТР-овцев. Все относительно в этом мире. Жизнь человеческая – смешная секунда в сравнении с протяженностью эпохи, но иногда может оказаться длиннее ее. «Ну разве не хорош анекдотец?», говаривал в таких случаях старина Швейк.

Пережившие эпоху, любящие или ненавидящие ушедший мир – все мы донашиваем его внутри, примеряя к себе чудное определение «наследие старого режима». Или она доживает в нас. Так или иначе – эпоха закончилась быстрее, чем закончились мы.

Эпоха заканчивается быстро, но умирает медленно. Все вокруг по-прежнему, сегодня вроде все так же, как вчера, и кажется, что ничего не происходит. Но на самом деле где-то там, глубоко внизу, что-то дрогнуло. И от этого ничтожного толчка, качнувшись, тронулись с места глубинные пласты и сначала еле заметно, потом все быстрее и быстрее двинулись навстречу друг другу. Они скользят, наращивая скорость, что бы однажды встретиться и, столкнувшись, вздыбиться разломом. Старый мир уже обречен, но пока еще не подозревает об этом – эпохи умирают медленно и незаметно. И лишь самые... Даже не самые умные, а самые чуткие люди не разумом, а кожей ощущают – что-то не так. Что-то меняется. Задолго до смерти появляются знаки ее, высыпают, словно сыпь на теле. Так, чепуха какая-то, все не всерьез, все по мелочи, но изменения эти – неотвратимы и неотменимы. Тем и навевают чутким жуть.

Потому что мелкие изменения эти, еще вчера немыслимые, а сегодня вроде как и ничего, будь то расплотившиеся анекдоты про Ленина или изменение порядка наследования в одном мало кому известном северном княжестве – это маркер, которым судьба метит выбракованное. Это печать, тавро, штамп, до срока оттиснутый в уголочке на миропорядке: «Заменить».

Догадывался ли Юрий Звенигородский, что мир вокруг него вскоре качнется, затрещит по швам и рухнет? Что именно ему, ничем особо не примечательному человеку, одному из десятков удельных князей заштатного улуса великой империи, суждено стать одним из тех камешков, что, покотившись, сорвут лавину? И что понесется она, подминая города и царства, и рухнут тысячелетние империи, и встанут на их место новые, и докатится эта лавина до совсем уж неведомых государств, о существовании которых князь и не подозревал никогда? Очень похоже, что чуял – слишком уж неохотно, едва ли не через силу преодолевая себя, делал он то, что назначил ему фатум.

О чем он думал той зимней февральской ночью 1425 года, когда в Москве помирал брат его Васька, отписав, как ему наверняка донесли доброхоты, великокняжеский стол в обход брата своему малолетнему сынку? Попробуем представить эту сцену.

Думал, наверное, о своем – в масштабах истории сиюминутном, но для его конкретной человеческой жизни очень насущном. О том, что ночи этой он ждал длинные годы. О том, что пока он ждал, жизнь, как ни крути, почти прошла – ему уже полвека, и пусть в седле он

еще сидит как влитой, но ночью изношенное тело ноет, гоня сон и напоминая о годах. О том, что он, наверное, мог бы стать неплохим великим князем – слава богу, и бою, и труду жизнь его обучила. И наверняка в сотый раз, до иступления катал в голове один вопрос – как же поступить.

Катал – и не находил ответа.

Пацан-то, конечно тьфу – плюнуть и растереть, но вот те, кто за ним стоят, власть добром не отдадут. И бояре московские, морды сытые, просто так нагретое задницей место в кремлевских палатах не уступят – понимают, что новый хозяин своих бояр приведет, тесниться толсто-мордым придется. Силу сейчас московское боярство взяло, крепко сидит – не сковырнешь! И Софья, жена братова, литвинка бешенная, в сторону не отступит – за своего последыша ненаглядного зубами горло перервет; сдохнет, но не уступит – не тот у нее нор, вся в батюшку. А уж батюшка ее, Витовт Литовский... Костью в горле стоит. Супротив него он, Юрий, что комар летний – Витовт его прихлопнет, не заметив. Одна надежда – зажился старик на свете сверх всякой меры, восьмой десяток уже доживает, в любой момент Господь его прибрать может. Свидригайло, друг сердешный, уж который год ждет того, не дождется...

Так, с этими понятно. А за него, ежели что, кто станет? Ну да, сыновья, понятно. Трое их у него, молодцы один к одному – но ведь тоже пацаны еще. Даже старший, Васенька, и тот в возраст еще не вошел. Братья? Вроде как они здесь никак не в стороне, ведь пацана на стол сажая, не только его – и их обносят! Но на братьев надежда плохая. Андрея и Петьку Василий давно под себя подмял, они ему уж сколько лет в рот заглядывают, слово поперек не молвят. И против воли его последней не пойдут, чую, не пойдут – характера не хватит. Костя, младший? Тот да, тот может взбрыкнуть, но толку от того, если честно? У него и удел-то – двумя лаптями покроешь, и народу – раз, два, а третьим себя считать придется.

Кто еще? Татары? В Орду идти, правду у царя искать? Ну, тут не угадаешь, тут уж как зернь ляжет. Есть у звенигородского князя там людишки, что перед царем слово за Юрия Звенигородского молвят, что таить – есть, обзавелся приятелями за столько-то лет. И не простые людишки, да. И на бакшиш деньги найду, тут уж скупиться не стану. Но ведь и у москвичей серебра хватит, и знакомцы найдутся, которые хану Махмету на ухо пошептать не откажут, а вот которых шептунов он послушает – про то лишь Господь ведает.

Так может и впрямь – отступить? Зачем на рожон грудью лезть, все одно ж в перекладину упруешься, мне ль не знать – сам сколько медведей на рожно поднял[1].

Так ведь не чужое прошу – свое требую! Мой стол великокняжеский, по всему – мой, по любой правде – мой. Специально у знающих людей спрашивал – отродясь такого не бывало, чтобы в открытую через братьев сыну обносить. Чтобы через голову прыгали, что греха таить – было. И Михаил Ярославич Московский против дяди Святослава на стол садился, и Андрей Александрович Городецкий против старшего брата, Дмитрия переяславского шел, и Юрий Московский старшего в роде Михаила Тверского обходил; но ведь все это супротив правды было, против порядка вещей случалось! Прав-то обиженных никто не отрицал, там силой брали!

Да, и батюшка даже, Дмитрий Донской, брату Ваське-то завещал старшие столы, и московский и владимирский, мимо двоюродного брата. Но так тот был все-таки, во-первых, брат двоюродный, во-вторых, не мог занять стола по отчине, отец-то его не был никогда великим князем. Потому и сам на то согласился, сам и признал племянника старшим братом.

И мне признать? Но я-то, слава богу, родной, и батюшка наш на столе владимирском тридцать лет отсидел. Да и кого братом старшим признавать?! Дите несмышленное? Нет уж, брат старший у меня один, который сейчас то ли есть, то ли уже был. Тридцать шесть лет я под ним жил, тридцать шесть лет стола ждал. И честно ждал, ни у кого язык на лжу не повернется,

что я брату поперечился, или того паче – изводил его. И теперь эти тридцать шесть лет пацану отдать с поклоном?

Ну ладно, ладно, пусть его, что дитя. Батюшка вон тоже малолетним на стол сел, а какой князь получился! Но ведь Васька этот – не батюшка, уж мне ли не знать, в Звенигороде живя, у Москвы под боком! Забаловали его, что мать, что отец. Дыхнуть на него лишний раз боялись, ни с детьми ему поиграть, ни с гор снежных покататься – только кутали да тетешили. Вот и вырос капризным, крикливым, да и крик-то не от силы внутри играющей идет, а от слабости, от боязни. Какой из него князь будет?

Так кто же для земель русских лучше будет – он или я?

Кто будет?

Он?

Или я?

Так или примерно так метался мыслью удельный князь звенигородский и галицкий Юрий последней ночью морозного февраля 1425 года. Ближе к утру в Звенигород на взмыленной лошади прискакал посланец от митрополита Фотия. Он сообщил, что нынешней ночью великий князь Василий Дмитриевич скончался, а князя Юрия Дмитриевича митрополит зовет в Москву.

Вот тут-то все и сошлось воедино – смерть брата, приглашение к великокняжескому двору, смысл которого поймет и последний дурень, и необходимость решить наконец этот проклятый вопрос, который вот уже сколько ночей мучил его как больной зуб. Решить прямо здесь и сейчас.

Признать племянника или отказаться? Отказаться от своих прав, которые по старине были совершенно бесспорны, без всякой зацепки, которая давала бы племяннику хоть малейший предлог оспорить наследование? Если поехать в Москву, то тем все и закончится – там у них логово, затем и зовут, чтобы не выпустить, пока не отступится. Отказаться признать посмертную волю брата? Но добром москвичи власть не дадут, значит, придется лить кровь своего семейства. Через что преступить – через отчинное право или через свято исполняемый завет предков не вставать друг на друга?

Ждал гонец. Ждали столпившиеся в дверях люди Юрия, сбжавшиеся со всего города – весть о смерти великого князя облетела Звенигород быстрым соколом. Никто даже не шущукался – все смотрели на князя, ставшего сегодня старшим в роду.

Наконец Юрий поднял голову, недобро зыркнул взглядом мимо гонца – на своих бояр:

– Ну что столпились? Коней седлайте!

Никто не пошевелился. Все ждали ответа на не заданный никем вопрос – куда?

– В Галич уйдем. Нечего здесь у Москвы на виду торчать, как прыщ на носу – добавил он устало.

И покатился камешек с горы...

[1] Устаревшее слово «рожно» или «рожон» означало заостренный кол, длинное копьё, с которым ходили на медведя. А чтобы взятый на рожно медведь, самоубийственно насаживаясь на древко, не дотянулся перед смертью лапой до охотника, посредине древка рожна обычно делалась перекладина, останавливающая зверя.

Глава восьмая. О чудесах, изменяющих историю

Итак, Юрий поднял мятеж. Но это вовсе не означало, что уже назавтра московская и галицкая рати начали пластать друг друга сабельками. Маховик смуты раскручивался медленно...

Юрий, уведший свои войска на север, в Галич, прислал оттуда в Москву гонца со своим отказом признать племянника. Сразу же выяснилось, что самые худшие предположения Юрия оправдались – сторону малолетнего великого князя приняли все младшие братья бунтаря, не только Андрей и Петр, но и бунтовавший еще недавно Константин. И, что гораздо хуже, Софья, узнав о поступке деверя, тут же послала за помощью к отцу – великому князю Литовскому Витовту. Однако ни московский двор, ни тем более оказавшийся в незавидном положении Юрий не спешили – и тем, и другим надо было время, чтобы собрать силы. Век тогда был неторопливый, мир еще был большим, планета пока не съезжилась до облетаемого за сутки шарика и обитавшие на ней люди передвигались медленно. Войско ни за два дня, ни даже за две недели собрать было невозможно, поэтому дядя с племянником условились о перемирии на четыре месяца – до Петрова дня, 29 июня.

Думается, вряд ли кто из высоких договаривающихся сторон всерьез отнесся к этим обещаниям. И в Москве, и в Галиче понимали, что при изначальном неравенстве сил промедление на руку только Юрию, который, пользуясь паузой, и без того уже *«за тем же перемирием тое весны разосла по всей своей отчин, по всех людех своих[1]»*. Так и случилось – москвичи выступили так быстро, как только смогли. Уже весной 1425 года московская рать двинулась к Галичу. Командовать ею был поставлен самый младший из «дмитриевичей», Константин. Похоже, самого ненадежного из сторонников Василия II отправили делом доказывать свою лояльность – принцип «проверки на вшивость» остается неизменным во все времена.

Останься Юрий в Галиче, смута бы, возможно, закончилась не начавшись – слишком уж велики были силы москвичей. Однако опытный галичанин быстро показал, что старого лиса не так просто обложить, и ушел из Галича в Нижний Новгород. Как выяснилось, мятежник тоже времени зря не терял, и уже успел обзавестись союзниками. Дело в том, что еще несколько лет назад Нижний был равен Москве, по крайней мере формально – наряду с Московским, Тверским и Рязанским существовало и Великое княжество Нижегородское. Прекратило свое существование, став частью Московского княжества, оно только при старшем брате Юрия – Василии Первом.

Кроме того, Юрий был связан с нижегородцами и родственными узами – его мать, княгиня Евдокия Дмитриевна, была дочерью нижегородского князя Дмитрия Константиновича. В нижегородских землях до сих пор обретался многочисленный клан «дмитриевичей» – двоюродные братья и племянники Юрия. Эти безземельные княжата, как несложно догадаться, не питали к отнявшей их княжество Москве теплых чувств, и заручиться их поддержкой, посулив уделы, Юрию наверняка было несложно.

Константин с московским войском последовал за Юрием на Волгу, однако Юрий, не вступая в столкновения, довольно успешно бегал от брата, а затем, перебравшись за реку Суру, встал там лагерем. Константин с московским войском вышел на другой берег, и несколько дней братья стояли друг против друга, разделенные только полоской воды. Можно лишь предполагать, о чем думали оба – и нынешний бунтовщик, и бунтовщик вчерашний, вынужденный теперь доказывать свою лояльность в братоубийственной, в самом прямом смысле, сваре.

Обе стороны замерли, понимая, что переправа через реку сделает раскол в московской семье необратимым. Пролить первую кровь означало перейти некий рубеж, за которым возврата к многовековому московскому братству уже не будет. Возможно, будь на месте Констан-

тина кто-нибудь другой, история нашего государства была бы иной. Но младший брат, сам лишь недавно вернувшийся из изгнания, слишком хорошо понимал старшего. Ровно как и наоборот. Да, Юрий не мог не сердиться на младшего брата за его присягу племяннику, которую он наверняка счел предательством. И Константин прекрасно понимал, что, поклявшись в верности малолетнему Василию, путь-дорожку назад он себе отрезал, а его карьера при новом дворе будет ой как зависеть от результатов этого похода. Но для того, чтобы бросится друг на друга, этого все-таки мало. Не было еще в братьях настоящей злости для драки, той, что застит красным глаза и отключает разум. Поэтому два войска стояли и ждали – кто на что решится.

Первым не выдержал младший. Однажды утром Константин развернул полки и ушел обратно в Москву. Там он оправдывался, что де река разлилась и переправиться было никак невозможно, но и тогда все всё прекрасно поняли – *«Константин радел не племяннику, а брату, и потому не хотел, как должно, преследовать Юрия[2]»*. Юрий же с дружиной вернулся в Галич и вновь отправил гонца в Москву, и вновь с предложением о перемирии – но теперь уже на год.

Москвичей, естественно, попытки Юрия затянуть «вялотекущее противостояние» никак не устраивали. Не добившись успеха военными методами, москвичи решили использовать дипломатию. Однако сразу возник вопрос – кому ехать? Братьев отправлять к галицкому затворнику было бессмысленно, да и рискованно, о самом князе и речи не шло. Подались к традиционным посредникам – церкви, благо главный пастырь всех православных русских, митрополит Фотий жил здесь же, в Москве.

Фотий, как вы помните, в событиях активно участвовал с самого начала (именно он после смерти Василия I прислал к Юрию боярина с наказом явиться в Москву), поэтому чиниться не стал и поехал в Галич – русская православная церковь, собственно, никогда мирских дел не чуралась и контакта с правителями не порывала. Юрий, естественно, о визите был осведомлен заранее, поэтому, гордый недавно одержанной полупобедой, решил подготовиться к визиту и произвести на владыку впечатление.

О психологической подготовке переговоров люди прекрасно знали и тогда, поэтому галицкий князь решил прежде всего доказать духовному пастырю, что перед ним отнюдь не строптивый изгой с горстью верных людей, а подлинный властитель с княжеским двором. На подъезде к городу Фотий увидел чудную картину – все склоны холма под галицкими стенами были усеяны толпами народа. Юрий собрал, похоже, всех верных ему людей. Однако пожилой грек тоже не первый год на свете жил, мощью князя не впечатлился, и рот от удивления не разинул. Разглядев за воинами, стоящими в первых рядах, пригнанных для массовой расправы над крестьянами, он ехидно заметил своему визави: *«сыну, не видах столко народа в овчих шерстьех[3]»*, намекая на то, что крестьянская сермяга из овечьей шерсти при всех желании за латы не сойдет.

Надо ли удивляться, что после такого начала переговоры шли трудно, вернее сказать – не шли никак. Юрий не соглашался ни на какие предложения о заключении мира, требуя единственно перемирия. В конце концов, Фотий вспылал, и, рассердившись на строптивного князя, уехал из Галича, не благословив ни князя, ни город.

А дальше... Дальше случился один из тех эпизодов, что историю делают сказками. Сразу же после отъезда митрополита в Галиче вспыхнула эпидемия, причину которой и выяснять не стоило – и так всем понятно, что это гнев божий. Юрий в ужасе верхами, как простой гонец, поскакал в погоню за Фотием и, догнав владыку у села Пасынкова, плача каялся в своей гордыне и умолял вернуться. Фотий вернулся, отслужил молебен и эпидемия пошла на убыль. Благодарный князь пообещал митрополиту отправить в Москву послов на переговоры о заключении мира.

Сложно, конечно, судить сегодня – что там произошло на самом деле, тем более что летописи о событиях этих лет рассказывают нам весьма скупо и часто противоречат друг другу. Но, на мой взгляд, вряд ли разумно заниматься конспирологией и предполагать, вслед за некото-

рыми авторами, что Фотий, например, отчаявшись добиться результата, заслал своих людей пошуровать у галицких колодцев. Мор – это слишком страшно для тогдашних жителей Земли, и играть с этой страстью господней никто бы не решился и в более отчаянном положении.

Скорее всего, перед нами просто совпадение, случайность, произошедшая как нельзя кстати. Маловероятная – да. Но нам ли не знать, что история иногда выкидывает и не такие коленца.

Так или иначе, двое посланных Юрием бояр благополучно прибыли в Москву, и мир был заключен. Правда, говорить о безоговорочной капитуляции не приходится – Юрий не отказался от притязаний на престол в полной мере, он всего лишь пообещал, что «не будет искать великого княжения сам собою, но ханом». Проще говоря – оставил за собой право апелляции к высшей власти – кому хан даст ярлык, тот и будет великим князем.

После этого так и не разгоревшаяся на Руси смута затихла – на целых пять лет. Но и не угасла полностью – Юрий по прежнему осторожно сидел в Галиче, глаза не князю, ни братьям не мозолил, но и от планов своих не отказывался. Московское княжество, едва не сорвавшись в пропасть, в последний момент все-таки сохранило равновесие на самом краю.

Но и назад не отошло.

Да и, честно сказать, не до династических разборок было москвитам в те годы. Другая беда пришла. Страшная. Черная оспа.

Нам сегодняшним, неизвестно слишком многое. Мы, например, не знаем, что такое голод, хотя еще мои родители, пережившие детьми голод 1947 года, этот ужас помнят до сих пор. Точно так же нам сложно представить себе – что такое эпидемия, как живут люди, которых каждый день деловито-равнодушно прореживает мор.

Вот как описывает эту небывалую по масштабам эпидемию, гулявшую по Руси в 20-е годы XV века, наш первый историк Татищев: *«В лето 6935 (1427 г.) мор бысть велик во всех городех русских по всем землям, и мерли прысчем. Кому умереть, ино прысч синь и в третьей день умираше; а кому живу бытии, ино прысч черлен да долго лежит, дондеже выгнет. И после того мору, как после потопа, толико лет не почати жити, но маловечнии, и худии, и счадуинии начаша бытии[4]»*.

Мор, пришедший из Европы (*«а пришел от немец в Псков, а оттоле в Новъгород, такоже доиде и до Москвы[5]»*) был первой известной эпидемией оспы в России. Она действительно «гуляла» по Руси несколько лет, то исчезая, то вновь возвращаясь. Оспа тогда парализовывала жизнь в целых государствах, и Русь не стала исключением. Этот мор действительно стал рубежным для страны и не зря Татищев сравнивает его с библейским потопом. Несколько лет день за днем люди молились о том, чтобы беда прошла мимо, а когда их надежды оказывались тщетны, оцепенев, всматривались в язвы – красные (черленые) или синие, жизнь или смерть?

Оставим пока наших героев, переживающих смертную напасть, не будем их трогать. Вернемся к ним позже, хотя, заранее предупреждаю, многих недосчитаемся.

А нам сейчас самое время оглядеться вокруг Московского княжества, потому как события вскоре выйдут за его пределы...

[1] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С.183

[2] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. Т. 2-3. М.: Мысль, 1988. С.382

[3] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С.184

[4] Цит. по Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. С.21

[5] Там же.

Глава девятая. О ближних наших

Собственно, далеко оглядываться нам не придется – мир, известный нашим сидевшим в лесах предкам, был очень невелик. В нем не было ни Англии, ни Франции, ни тем более Китая и Японии. Почтенные московиты вовсе не были живчиками, шнырявшими по миру. Скорее уж наоборот – убежденными домоседами-бюроками, не испытывающими ни малейшего желания ни познавать мир, ни представляться миру.

Поэтому знали лишь себя, да самых ближних соседей.

Давайте пробежимся по этим окрестностям, только имейте в виду – мы не будем углубляться в подробности. Подробный рассказ о каждом из соседей Московского княжества нас ждет впереди, а пока – только обзорная экскурсия по принципу «галопом по Европам».

С понятием «мы» для москвичей все было довольно просто. «Татарские» русские делились на три великих княжества, две республики и одно совсем уж не понятно что. Как я уже многократно поминал, кроме московского, именование «великого княжества» носили еще два «субъекта золотоордынской федерации» – княжества Рязанское и Тверское. Рязанцы жили к югу от Москвы и были пограничной зоной – за ними начинались земли татар. Соответственно, все набеги прокатывались через них, да и вообще, с сюзеренами они общались чаще и дольше всех. В итоге, как сетуют летописцы, рязанцы изрядно отатарились. Тверичи жили, напротив, севернее и были более «европеизированными», так как дела имели обычно с Новгородом и Литвой. Ко времени нашего рассказа оба княжества уже изрядно захирели, и москвичам явно уступали по всем параметрам – времена соперничества Твери и Москвы миновали давно

и, судя по всему, безвозвратно. Однако формально по статусу и те, и другие были равными Москве.

Кроме этой тройки, татарскими данниками были еще две северные боярские республики – Псков и Новгород. Как все мы помним из школьного курса, от лежащих к югу княжеств они отличались в первую очередь тем, что власть в них принадлежала не князю, а вече. Нет, князья там, конечно, были, но пребывали они в совершенно ином статусе, нежели в Москве или Твери. Князь в Новгороде или Пскове был не владыкой, а всего лишь временно приглашенным наемным служащим. Богатый Новгород, например, практически никогда не заморачивался созданием собственной армии, предпочитая пригласить к себе какого-нибудь князя с дружиной, и эти-то нанятые профессиональные военные и обеспечивают де мирный труд и нерушимость границ. Если же говорить о реальной власти в республиках, то принадлежала, конечно же, не вече – толпа никогда ничего не решает, – а богатейшим боярским кланам, «золотым поясам», как их называли в Новгороде.

Этих двух братьев-республиканцев меж тем никак не назовешь близнецами. Господин Великий Новгород давно уже был не городом, но огромным, по меркам тогдашней Европы, государством. Ему принадлежали необозримые территории, колониальные владения новгородцев простирались от Балтийского моря до Урала и от Белого моря – до Волги. Новгород был очень богат, особенно по сравнению с другими русскими княжествами, и богатство его зиждилось на двух китах – международной торговле (именно Новгород был воротами между Европой и русскими и татарскими землями) и лесных промыслах – именно здесь добывалась львиная доля русской «мягкой рухляди» – вожаденной столь многими пушнины.

Но у Новгорода, этого огромного государства, имелось две ахиллесовых пяты, два уязвимых места. Во-первых, как уже говорилось, он экономил на собственной армии, довольствуясь наемниками, и был, по сути, незащищен перед любым серьезным вторжением. Во-вторых, это была северная страна, хлебушек там банально не вызревал, поэтому продовольствие они импортировали. А это означало продовольственную зависимость от «Низовской земли» – так новгородцы называли Северно-Восточную Русь.

Псков, который издревле считался «младшим братом» Господина Великого Новгорода, был мало похож на «старшенького». Объединяли их, собственно, только все тот же вечевой строй, да общая вера, даже архиепископ у них был один на двоих. Во всем же остальном братья были совершенно разными. Если Новгород был обширен и богат, то Псков представлял собой карликовое государство, зажатое между тремя мощными и чаще всего недружественными соседями, и всю жизнь едва сводил концы с концами. Если новгородцы войне всегда предпочитали торговлю, которой и занимались с большим успехом, то Пскову на роду было написано не торговать, а воевать. В общем, очень удачное сравнение употребил историк Николай Борисов – перед нами представали богатый хитрый купчина и простоватый бедный рыцарь.

А под «незнамо что» я подразумевал Вятку. Это было действительно уникальное образование в Северно-Восточной Руси. Бывшая новгородская северная колония, раскинувшаяся на одноименном правом притоке Камы, она однажды отложились от своих хозяев и образовала эдакую северную вольницу со столицей в городе Хлынове. Не то бандитское государство, не то пиратская республика. Вятчане единственные из всех никогда не знали князей, да в них и не было никакой необходимости. Экономика у этих потомков буйных новгородских ушкуйников базировалась на добыче пушнины, речном пиратстве (ушкуйничестве), набегах на московские и новгородские владения, никогда не отказывались вятчане пощипать и местные племена вогулов и пермяков. Соответственно, оружием любой вятчанин и так владел с малолетства – зачем стране охотников и бандитов княжья дружина? Народу, конечно, у них было небогато, поэтому никакой серьезной роли в политических распрях они не играли, и играть не собирались – у них и без того дел хватало.

Вот, собственно, и вся Северо-Восточная, «татарская», Русь. Было еще мощное княжество Смоленское, но его с недавних пор подмяла под себя соседняя Литва. Вот к соседям и перейдем. Однако здесь нам придется задержаться, потому как без расклада внешнеполитической обстановки нам никогда не понять действия Юрия, его племянника и всех остальных наших героев.

Знания наших предков о мире за границами северо-восточных русских княжеств никак не назовешь богатыми и разносторонними. Летописцы наши считали необходимым упоминать о событиях, происходящих лишь в четырех странах – Византии, Тевтонском Ордене, Орде, да Литве. Вот ими, по большому счету, и исчерпывался весь тогдашний мир – с точки зрения обычного человека, естественно.

Причем Византия была скорее виртуальным, воображаемым государством. Слишком уж далеко она расположилась, ее мало кто видел, а уж тем более жил там – «к грекам» все-таки добирались считанные единицы наших соплеменников. Однако знали о ней все.

И немудрено – это все-таки была родительница, «духовная мать» Руси. Связь с ней не прерывалась никогда, даже в самые страшные годы. Именно оттуда к нам прибывали духовные пастыри, именно ей мы считали своим сыновним долгом помогать в трудную минуту, а помощь ей требовалась в те времена ой как часто. Но повторюсь – в представлении рядового русского это была все-таки не реальная страна, а воображаемая держава, некий образ, сконструированный в голове. Ситуация в Византии в те времена была более чем сложной, тысячелетняя империя находилась на грани исчезновения под натиском турок. И эти события, вроде бы происходящие за семью морями, в итоге оказали самое непосредственное, и едва ли не определяющее влияние на судьбу России. Но об этом поговорим в свое время.

Обратимся теперь к непосредственным соседям. На северо-западе с русскими землями граничили владения Тевтонского ордена. В историю этих рыцарей-монахов, палестинских крепостнощцев, призванных в наши залушкинские места польским князем Конрадом Мазовецким мы не будем вникать подробно. Потому как в описываемое время об Ордене, похоже, всерьез помнили только его непосредственные соседи – «пскопские» да «новгородские». Граничащий с нашими боярскими республиками *Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum* (так он официально именовался) к тому времени уже не играл серьезной роли в региональных раскладах. После того, как уязвленная Литва в компании с поляками, которым Орден перекрыл выход к морю, перебила ему хребет в Грюнвальдской битве, государство миссионерствующих рыцарей действительно не заслуживало серьезного внимания. От этого удара они так никогда уже и не оправались и лишь глубже и глубже погружались в ничтожество, пока Иван Грозный не разнес это прогнившее строение одним пинком.

Орден, в отличие от многих других государств, «отдав концы, не умирает насовсем» – в этой куколке вызрела Пруссия, из которой, в свою очередь, вылупится Германия, но до этого еще долгие и долгие годы. Пока же Орден де-факто сошел со сцены.

Иное дело – Орда и Литва, это были игроки куда посерьезнее. Здесь нам придется остановиться и осмотреться.

Начнем с Орды. За множество десятилетий русские люди давно уже привыкли жить «под татаринном». Привыкли ездить в столицу Сарай с подарками, подобно тому, как при Союзе и большие, и малые номенклатурщики из Риги или Еревана постоянно мотались в Москву – кому партию новых «БелАЗов» для своего автохозяйства выбить, кому вопрос с назначением решить. Привыкли выносить на суд ханский возникающие споры – иметь над собой высшую власть не всегда плохо, и разрешение споров вердиктом высшего судьи почти всегда оборачивалось меньшей кровью и обидами, нежели прежние самостоятельные разборки. Привыкли, наконец, просить помощи, чаще всего – военной. Привыкли до того, что сами воевать практически разучились. Как верно пишет Карамзин: «Однако ж Россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками своими в опытности воинской, когда частые битвы с непри-

ятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечях и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига Ханского, но редко в битвах: видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов[1].»

По большому счету мы привыкли жить за плечом у татар, надежно укрывшись за ними, спрятавшись от злого мира. И не спешите брезгливо кривить губы, в очередной раз поминая «рабскую сущность русских». Во-первых, особого выбора никто не предлагал, а противником татары были страшным. Не забывайте, что не было в свое время во всем мире государства, могущего устоять перед этим невесть откуда взявшимся «кнутом божьим». И если бы не смерть великого хана Угэдэя, прервавшая великий западный поход, кто знает, на берегу какого моря остановили бы свой неумолимый бег эти страшные всадники на низкорослых косматых лошадках?

А во-вторых, сама по себе утрата независимости – не позор, мало кого минула чаша сия, и едва ли не все народы в мире могут вспомнить подобные эпизоды в своем прошлом. Кто чего стоит, определяют не по мозолям от ярма – кто в нем не ходил? Какое у тебя нутро, проверяется тогда, когда тебе приходится отвечать на вызов, когда судьба дает тебе шанс – тогда-то все и становится ясно: сумеешь ли ты воспользоваться предоставленной возможностью, устоять на ногах и выжить или, помявшись, побежишь опять проситься в приживалы к кому-нибудь. Именно к этой «точке вызова» и приближались русские, и грядущее испытание становилось все неотвратимее и неотвратимее.

Дело в том, что Золотая Орда, могущественная империя, которую никто и близко не мог поколебать внешней агрессией, оказалась бессильной перед болезнью, которая начала убивать ее изнутри – междоусобными смутами. Недуг этот набухал давно, и лет за пятьдесят до описываемых событий язва прорвалась.

В русском языке есть слово «кутерьма». Значение его всем известно, но знаете ли вы, как и почему оно появилось в нашем языке? Меж тем это тот редкий случай, когда рождение слова датируется довольно точно и связано с конкретными историческими событиями. Обряд возведения хана на престол у тюркских народов был почти идентичен – этот древний монгольский обычай все они наследовали практически без изменений. Вот каким его увидел в Золотой Орде в начале XV века Иоганн Шильтбергер: «Когда они выбирают хана, они берут его и усаживают на белый войлок и трижды поднимают на нем. Затем они поднимают его и проносят вокруг [ханского] шатра и усаживают его на трон, и вкладывают ему в руку золотой меч. По обычаю, ему должны присягать[2]». Этот обряд троекратного поднимания на белой кошме носит название «кутермяк» или «хан-кутермяк».

Фонетическое сходство безусловно, но при чем здесь наша «кутерьма», которая означает совершенно иное? Дело в том, что после смерти великого хана Джанибека в 1357 году в Орде началась страшная смута, которую русские летописи называют «великая замятня». Дворцовые перевороты следовали один за другим, за 22 года в Сарае сменилось 26 ханов, некоторые из которых царствовали не дольше пары недель. Нетрудно предположить, как русские князья, обязанные утверждать свой ярлык у каждого нового хана (а некоторых из них летописцы даже не успевали вносить в летописи) в ответ на вопрос: «Что же там в Орде творится?», бессильно махали рукой и устало отвечали: «Кутерьма».

Это был пик болезни, от которой Орда так и не оправилась. После этого началось медленное угасание. Впрочем, шанс у Орды был. Казалось, самой истории грустно было наблюдать за уходом этого государства с подмостков, и она сделала все возможное, чтобы «подыграть» ему. Именно в этот период угасания судьба подарила Золотой Орде едва ли не самых ярких ее лидеров – Мамайя, Тохтамышя и Едигея. Каждый из них достоин отдельного романа, любой из этих троих в иное время и в других обстоятельствах мог бы не только удержать страну от падения, но и в очередной раз потрясти мир. Но, увы, перебороть фатум обреченности оказалось не под силу даже им.

Дело в том, что, на беду Орде, это время оказалось особенно щедрым на героев не только в самой Орде. Так случается в истории – то пусто-пусто, то вдруг густо. Долгие годы суетятся на сцене истории «жалкие, ничтожные люди», а потом, словно в насмешку, одновременно восходит целое созвездие ярких лидеров, титанов, каждый из которых на фоне недавних и последующих – исполин. Будь он один – весь мир лежал бы у его ног за неимением достойных соперников, но их много, и они вынуждены тратить силы в битве друг с другом.

Именно так и случилось во второй половине 14 века. Ордынским «трем медведям» и без того было не ужиться в одной берлоге, а тут еще и на окраинах появились как минимум достойные соперники: в Центральной Азии – «железный хромец» Тамерлан, на Руси – Дмитрий Донской, в Литве – Витовт.

И заполыхала на пространстве от Балтики до Хорезма гигантская свара, вполне заслуживающая именованья «Битва титанов». К сожалению, рассказ об этой эпической схватке лежит за рамками нашего повествования, поэтому мы не будем углубляться в перепетии старой саги и распутывать все ниточки этого клубка альянсов и предательств, великих побед и постыдных изгнаний. Подобные схватки исполинов редко остаются без глобальных последствий – так случилось и на этот раз.

Орда, истерзанная внутренними сварями, к которым добавились сильнейшие удары извне, проиграла эту схватку. Смертельный удар нанес Тамерлан. Переиграв Тохтамыша, он в итоге практически уничтожил Золотую Орду и с экономической, и с военной точки зрения.

Благосостояние Золотой Орды держалось на международной торговле, но едва ли не все ее торговые центры – столица Сарай, Ургенч, Астрахань, Азов – были в результате походов Тамерлана разрушены до основания. Если до этого Орда представляла собой уникальный симбиоз кочевников и горожан, то сейчас там остались только номады. Лишь на окраинах империи, в Крыму и на Волге еще сохранялась городская культура, но этого было слишком мало, чтобы восстановить кровообращение и заживить раны. Культурная подпитка городов исчезла, и исчезла в самый неподходящий момент – накануне революции в вооружении. Кочевники упустили появление огнестрельного оружия, и тем самым обрекли себя.

Орда в итоге осталась в живых, не исчезла с карты мира, государство продолжало существовать, но это был уже смертельно раненный волк, приползший в свою нору умирать. У него еще хватало сил на то, чтобы порвать горло неосторожно приблизившемуся врагу, но смерть была только вопросом времени. И, как это обычно бывает, падшего титана начали рвать еще живым, бросаясь со всех сторон, все меньше и меньше обращая внимания на попытки огрызнуться. Тем более, что внутренние междоусобицы полыхали в Орде все ярче и ярче...

Именно они свели на нет власть последнего серьезного властителя Орды – Едигея. После того, как Едигей проиграл в междоусобной сваре и бежал в Крым, Золотая Орда просто затрещала по всем швам. Началась агония – дезинтеграция страны. Улус Джучи разламывался на несколько орд, всерьез подумывавших о самостоятельности. Появились уже и первые ласточки в «параде суверенитетов» – на западе фактически самостоятельную политику вела Ногайская орда, на востоке – Узбекская. Да и в собственно Золотой Орде дела обстояли все хуже и хуже. Вот вам для примера хроника последних лет.

Великий хан Улу-Мухаммед, взошедший на престол за шесть лет до мятежа Юрия, в 1419 году, уже не мог похвалиться властью над всей Ордой – он практически не контролировал регион нижней Волги, где засел «мятежный барон», сын Тохтамыша Кепек, да и в западной части его власть была непрочной – некоторые татарские ханы отказывались ему подчиняться. Междоусобицы трясли империю как лихорадка.

Через три года после воцарения Улу-Мухаммеда, в 1422 году сепаратисты-узбеки отправляются в набег на недавнюю метрополию, и последовательно разбивают и Кепека, и Улу-Мухаммеда, и его двоюродного брата Давлет-Берди. Все три хана бегут на запад, Кепек пытается закрепиться в Рязанском княжестве, но безуспешно. Тем временем узбеки, вволю погу-

ляв, после трехлетнего грабежа возвращаются в родные степи южного Казахстана. Пока Улу-Мухаммед восстанавливал свою власть после набега, Давлет-Берди, воспользовавшись сумятицей, захватывает Крым. Однако уже в следующем году Улу-Мухаммед выбил его оттуда, но его триумф омрачила пришедшая с Руси эпидемия...

Сами понимаете – могли ли наши предки сколь либо серьезно надеяться на помощь и защиту таких сюзеренов. Мудрено ли, что на Руси, которая была в Золотой Орде была примерно тем же, чем Прибалтика в Советском Союзе – самым «невключенным» регионом империи, автономией, пользующимся максимальной самостоятельностью, – все чаще и чаще задумывались о том, как же им жить дальше...

Меж тем кое-кто на западе внимательно присматривался к «татарской Руси» и всерьез подумывал оторвать этот кусок от умирающей Орды.

Этим «кое-кем» был последний реликт предыдущей «героической» эпохи, единственный из участников Великой Свары, оставшийся к тому времени в живых – великий князь Литовский, «Витовт Кейстутевич», как его уважительно именуют русские летописи. Пусть этот персонаж осенил своим присутствием только начало нашей истории, он без сомнения заслуживает отдельной главы. И сразу предупреждаю – в Литве мы задержимся надолго.

[1]Карамзин Н.Н. История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Глеча, 1819 г. Т.5 С. 393.

[2]цит. по: Г.В. Вернадский. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ. 1997. С. 217

Глава десятая. О том, как стать одной из сильнейших держав Европы

Витовт, сын Кейстута, сына Гедимина. Герой, сын героя, и внук героя. Дальше, правда, с родословной начинаются проблемы – Литва была очень молодым государством и суверенной державой она фактически стала лишь при дедушке Витовта, Гедимине, основателе знаменитой династии Гедиминовичей, которых на Руси почитали наравне с Рюриковичами.

Для понимания всего того, что сделал Витовт, нам никак не обойтись без хотя бы конспективного рассказа о Литве, благо, как вы уже поняли, ко времени рождения славного витязя ее история была совсем не длинной. Как я уже сказал, здесь нам придется задержаться подольше, и вот почему. В силу самых разных причин – прежде всего политико-идеологических – «литовская» часть русской истории обывателю практически не известна. И если историю восточной Руси я вполне мог опустить – ну не рассказывать же вам в очередной раз про Куликовскую битву, то здесь, боюсь, этот номер не пройдет. Я не уверен, что битву на Ворскле, имевшую не меньшие последствия, чем сеча на поле Куликовом, вы знаете столь же хорошо. А без знания истории Литвы в принципе невозможно понять ни то, что произошло тогда в московских землях, ни логику поступков тамошних князей.

Как я уже сказал, Литва была молодым государством. Впрочем, ее молодость вовсе не была отличительной особенностью – таких, едва родившихся или нарождавшихся держав в округе было пруд пруди. Казалось, сама история, любопытствуя и развлекаясь, учинила тогда на пространстве от Прибалтики до Афганистана и от Кракова до Тюмени какую-то безумную смесь из площадки молодняка и социальной лаборатории.

Вообще, тогдашняя история этих земель – готовый сценарий для идеальной стратегической компьютерной игры «Построй империю». Государства возникали, распадались, выживали или исчезали в каком-то безумном темпе, и судьбу их часто решал шутник-случай. Разнообразие игроков на этом поле было пестрым до безвкусицы. Огромные и карликовые, суровые деспотии и самые разнузданные демократии, управляемые гениями и ничтожествами, страны бурлили что твой кулеш. Торговали, дрались, мирились, заключали самые немыслимые альянсы, били друг друга насмерть и проявляли невиданное в политике милосердие. Здесь столкнулись все мировые религии, сцепились все толки христианства, и белокурый гигант скандинав о чем-то сговаривался с маленьким кривоногим монголом. Венецианские консулы и узбекские погонщики баранов; католики и буддисты; еврейские ростовщики и профессиональные воины-монахи; китайские интеллектуалы, смиренно приносящие к мудрости столетних книг и самоедские дикари, мажущие кровью рты своих рубленных злобных кумиров – кто только не варился в этом котле. Периодически вся эта молодая и дерзкая братия отправлялась разбираться с окрестными тысячеклетными империями, недоуменно взирающими на суету молоко-сосов, бывала жестоко бита или горделиво возвращалась с бакшишем. Что в итоге выплывет из этого месива культур и религий – ведали лишь их боги, и никому не рискнуть предсказать, кто останется завтра, а кого схарчат сегодня.

Литва в этом сумасшедшем забеге стартовала очень мощно. Папашей ее по справедливости следует считать еще одну новорожденную державу – Орден Крестоносцы, призванные в XIII веке в этот медвежий угол чтобы подвести под длань господнюю последних язычников Европы, были ребята серьезные. И дело свое добре знали – били идолопоклонников пруссов, ливов, эстов и прочих земгалов с куршами так, что пух до небес разлетался. И только с литовцами, а точнее, с их восточной ветвью, аукштайтами (западные литовцы звалась жемайтскими, или, по-русски, жмудью) у них вышла промашка. Эти нечестивые поклонники Перкуна

и священных ужей не только принялись активно отвешивать сдачи, но и, сплотив в священной борьбе многочисленные племена, образовали собственное государство.

Собственное, правда, тоже с оговорками – Литва от рождения была двунациональной страной, с самого начала в государственном строительстве активно участвовали северо-западные русские княжества, где проживали предки нынешних белорусов. Древняя история Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (это его полное название), как полагают, скорее мифологична, чем исторична. Тем не менее, известно, что ко времени правления первого реального властителя страны, Гедимина, Литва, кроме собственно литовских земель, уже включала Черную Русь (район нынешнего Гродно) и Полоцкую землю. За ними подтянулись князья Минские, Туровские, Пинские – то есть те области, до которых монгольская конница не добралась, а для самостоятельного существования рядом с недружелюбными соседями они были все-таки слабоваты. Поэтому предлагаемое объединение с многочисленными литовцами их очень устраивало. И не только их, в объединении были заинтересованы обе стороны. В частности, например, наши историки очень любили уточнять, что скорей всего именно русские витязи повели литовцев к победам, обучив «беспорядочные древнелитовские ополчения» правильному строю и прочим военным премудростям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.